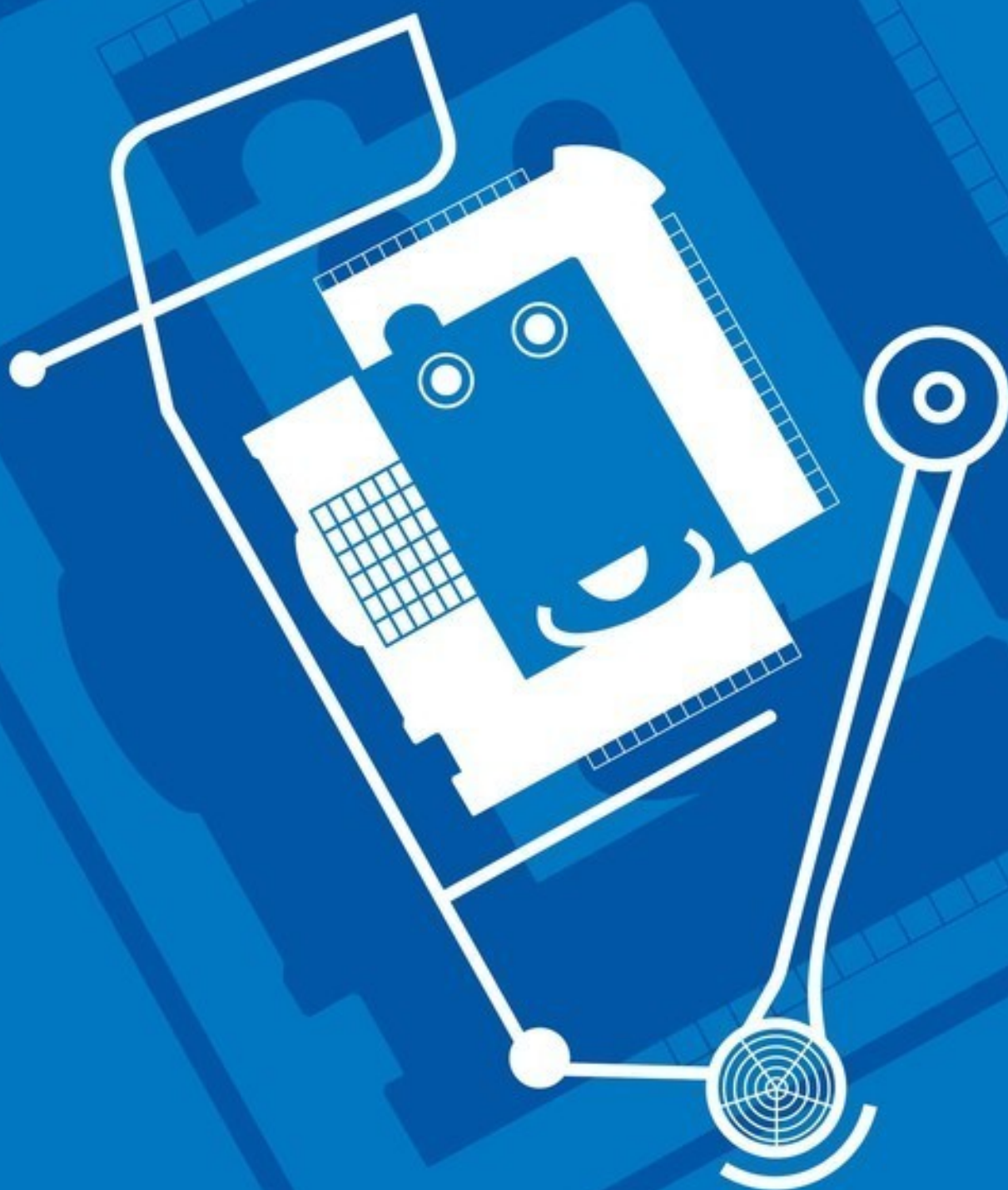

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР

КИР БУЛЫЧЕВ

ЖИЗНЬ
ЗА ТРИЦЕРАТОПСА

Гусляр

Кир Булычев

Жизнь за трицератопса (сборник)

«WebKniga»

2012

Булычев К.

Жизнь за трицератопса (сборник) / К. Булычев — «WebKniga»,
2012 — (Гусяр)

ISBN 978-5-9691-0897-4

Космические пришельцы начали появляться в городе с 1967 года. С этой поры классик отечественной фантастики Кир Булычев (1934–2003) стал вести летопись Великого Гусяра – маленького городка, расположенного где-то «между Архангельском, Устюгом и Вологдой». Великий Гусяр легко ужился с инопланетянами, можно сказать, справился с ними, как легко справляется российская провинция со всякого рода умниками и прогрессорами. Достоверность рассказов Кира Булычева не вызывает сомнений у каждого, кто читал Салтыкова-Щедрина, Платонова, Шекли и Катнера. А те, кто таких не читал, кто считает лихим сюжетом примитивную стрелялку и не ведает существа оригинальнее вампира, откроют в летописи Великого Гусяра большой мир настоящей фантастики – умной, увлекательной, изобретательной, язвительной и очень смешной. В эту книгу вошли повести и рассказы о Великом Гусяре, написанные в последние годы жизни автора, с 1996 по 2003 год, а также ранее не публиковавшиеся произведения, найденные в архиве писателя. Полностью цикл произведений Кира Булычева о Великом Гусяре, писавшийся в течение 35 лет, составляет три тома.

ISBN 978-5-9691-0897-4

© Булычев К., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

...Но странною любовью	5
Скандал	9
Вирусы не отстирываются	17
Ляльки	26
Мечта заочника	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кир Булычев

Жизнь за трицератопса (сборник)

...Но странною любовью

Корнелий Иванович Удалов шел со службы домой. День был будничным, прохладный, вокруг города толпились тучи, но над Великим Гусяром ярко светило солнце. Виною тому был космический корабль зефиров, который барражировал над городом, не давая тучам наползать на него.

У продовольственного магазина «Эльдорадо» продрогший зефир из мелких покачивал детскую коляску, чтобы успокоить младенца, которого мамаша оставила на улице, уйдя за покупками. Младенец попискивал, но плакать не смел.

Удалов испугался, что зефир опрокинет коляску.

– Ты поосторожнее, – сказал он.

– Я очень стараюсь, – ответил зефир, – хотя ребенок выведен из душевного равновесия. Но в любом случае я благодарен вам за совет и внимание, Корнелий Иванович.

«Они всех нас по именам знают. Никуда от них не денешься!» – подумал Удалов.

Свернув на Пушкинскую, он увидел еще одного зефира, постарше, который собирал пыль и собачий помет в пластиковый мешок.

– А где дворник? – спросил Корнелий.

– Фатима Максудовна кормит грудью своего младшенького, – ответил зефир. – Я позволил себе ей помочь.

Зефир сам уже был покрыт пылью. Работал он старательно, но неумело.

– Ты что, никогда улиц не подметал? – спросил Удалов.

– Простите, – ответил зефир, – у нас давно нет пыли.

– Ну и тоскливо, наверно, у вас.

– Почему вы так считаете?

– Во всем у вас порядок, всего вы достигли.

– Нет предела совершенству, – возразил зефир.

– И чего тогда к нам примчались?

– Мы несем совершенство во все части Галактики.

– Ну-ну, – вздохнул Удалов.

– А жаль, – сказал зефир, – что мы кое-где порой сталкиваемся с недоверием.

Удалов пошел дальше и возле двери своего дома обогнал небольшого зефира, который тащил сумки с продуктами.

– Это еще для кого? – спросил Удалов.

– Надо помочь, – ответил зефир, втаскивая сумки на крылечко и открывая упрямой головкой дверь. – Профессор Минц занемог. Мы встревожены.

Зефир обогнал Удалова в коридоре. Ловко открыл ноготком дверь к Минцу и, подбежав к столу, закинул туда сумки с продуктами и лекарствами.

– Ей-богу, не стоило беспокоиться, – хрипло произнес Минц.

Он сидел в пижаме на диване. Горло было завязано полотенцем. Профессор читал журнал. Шмыгнув носом, Минц виновато сообщил Удалову:

– Простуда вульгарис. Прогноз благоприятный.

– Это ты его в магазин посылал? – спросил Удалов.

– Не совсем так, – ответил Лев Христофорович. – Один зефир забежал ко мне днем узнать, как выглядит подвенечное платье...

– Чего?

– Подвенечное платье, – повторил Минц. – Они решили сделать подарок невесте Гаврилова.

– Ну, уж это перебор! Гаврилов третий раз женится. Пускай у предыдущей жены позаимствует.

– Ты живешь старыми ценностями, – возразил Минц. – Нынче молодежь серьезнее относится к атрибутике. Они решили венчаться и полагают, что память об этом событии, включая подвенечное платье, сохранится на всю жизнь.

– Значит, этот, – Удалов кивнул на зефира, – получил информацию, потом проникся сочувствием и пошел в аптеку и в магазин?

– Разумеется, – сказал зефир. – А как бы вы поступили на моем месте, Корнелий Иванович?

– Я бы вызвал врача, – буркнул Удалов.

– Но вы же знаете, Корнелий Иванович, – в голосе зефира прозвучал легкий укор, – что скажет врач. А я сделаю все то же самое, но лучше.

И тут Удалова прорвало:

– Какого чёрта?! Какого чёрта вам нужна вся эта благотворительность?

– Корнелий, – попытался остановить его Минц. – Откуда такая агрессивность?

Зефир подождал, пока в комнате поутихло, и ласково произнес:

– Мы решили все проблемы у себя на родине и теперь несем добро на другие планеты.

Мы всех любим, мы хотим счастья всем существам в Галактике.

Удалов уже не раз слышал эти слова и не мог понять: ну почему же они его так раздражают? Другое дело – был бы в них подвох. Но за последний месяц все жители Великого Гусляра убедились, что подвоха нет. Как назло – нет.

Удалов сдержанно вздохнул, наблюдая за тем, как ловко зефир, взобравшись на стул, режет на тарелке огурчики и помидоры, готовя салат для больного профессора, которому нужны витамины.

Дома у Корнелия тоже было несладко.

Ксения сидела у телевизора, один зефир занимался стиркой, а другой, незнакомый, пылесосил большую комнату.

– Ксения, – сказал Корнелий Иванович. – Ну нельзя так все пускать на самотек!

– Я их что, просила, что ли?

– Ты не возражала, – упрекнул Удалов.

Зефир выключил пылесос, чтобы не мешать беседе супругов, и, вскинув лысенькую головку, произнес:

– Мы же рады помочь.

– Есть мнение, – сказал ему Удалов, – что потом вы предъявите нам счет за услуги. Такой, что вовек не расплатиться.

– Ах, Корнелий Иванович! – Зефир сложил лапки на пузе. – Вы же взрослый, умный и опытный человек. Ну чем вы смогли бы нам заплатить?

– Сама постановка вопроса некорректна, – послышался другой голос, и, запрокинув голову, Удалов увидел третьего зефира, который, как муха, ползал по потолку, протирая его белоснежной тряпкой.

– Мы давно уже унитазы делаем из золота, – сообщил первый зефир.

– А вот некоторые говорят, – сказала невестка Удалова, вернувшаяся с занятий в речном техникуме, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

За невесткой, подобно африканскому невольнику, плелся зефир, который тащил на голове куль вещей из химчистки.

– Не нагружала бы ты его так, – сказал Удалов. – Ты посмотри, он уже посинел.

– Он сам хотел, – возразила невестка.

– Я сам... – пискнул зефир и упал, придавленный поклажей.

– Меня возмущает, – сказала невестка, – как они нас морально поработают.

Удалов с трудом поднял куль с вещами. Зефир был неподвижен, из полуоткрытого ротика вырывались приглушенные стоны.

– Этого еще не хватало! – Ксения оторвалась от телевизора, потому что серия кончилась.

– Я сам... – прошептал зефир.

Его товарищи вынесли из комнаты уже безжизненное тело.

– Эх, нехорошо получилось, – сказал Удалов.

– Нормально, все нормально, – ответил зефир, который держал сгинувшего собрата за ноги и потому покидал комнату последним. – Когда мы идем делать добро, мы знаем, насколько это опасный и неблагодарный труд.

– Неправда! – крикнула вслед ему Ксения. – Я каждый раз вам спасибо говорю.

Небольшой зефир протиснулся в форточку и, закрыв ее за собой, радостно сообщил Ксении:

– Я достал сухую мяту!

– Иди тогда на кухню, там один из ваших обедом занимается.

– Ксения, это эксплуатация! – возмутился Удалов.

– Я только помогаю им выполнять их желания.

Удалов хлопнул дверью и побежал к профессору Минцу.

Там картина изменилась. Хотя Минц все еще сидел на диване, теперь перед ним стояла шахматная доска, а напротив него, с другой стороны доски, сидел немолодой зефир.

– Плохи мои дела, – сказал зефир.

– А вы не поддавайтесь мне, – ответил Минц.

– Не поддаваясь, я рискую испортить вам настроение, а в вашем физическом состоянии это недопустимо.

Удалов от двери сказал:

– Слушайте, мне все это смертельно надоело! – И тут же отпрыгнул в сторону, потому что из коридора подкрался еще один зефир, который принялся чистить ему ботинки.

– Все прочь! – приказал Удалов. – Вы хоть человеческий язык понимаете?

– Уходим, – ответил зефир-шахматист, и все зефиры немедленно испарились.

Удалов сбросил со стула пачку журналов, уселся и спросил Минца:

– Скажи мне, скажи, что происходит?

– Оптимальный вариант вторжения из космоса, – ответил Лев Христофорович.

– Кто же так вторгается?! – воскликнул Удалов. – Почему они нас не угнетают, не уничтожают? Почему все происходит наперекос? Я о таком не читал!

– Мы настолько привыкли к тому, что наша история состоит из вторжений, уничтожений и угнетений, – ответил Минц, глядя в окошко, где все еще летал кругами космический корабль, – что не допускаем мысли об ином поведении и иных целях. Хотя именно об этом много лет назад талдычили советские писатели-фантасты.

– На то они и есть советские фантасты, – возразил Удалов.

– Мы вас воспитываем добрым примером! – приоткрыв дверь, крикнул изгнанный зефир.

– Вы думаете, что нам нужны добрые примеры?

– Они всем нужны.

Удалов сжал виски ладонями. Нет, это не укладывалось у него в голове. И он не был исключением. С тех пор как над Великим Гусяром появились космические корабли зефиров, многие задавались вопросом: «Зачем нам такое счастье?»

В первые дни после высадки инопланетян горожане нарадоваться не могли на гостей – и помощники, и добровольцы, и спасатели! Все помнили о том, как, сорвавшись с высокого тополя, погиб зефир, который пытался снять оттуда глупого котенка.

– Пожалуй, – заговорил Минц, шмыгая носом и похрипывая, – им надо было брать за все плату. Хотя бы символическую. Мы бы легче к ним привыкли. Зря они упорствуют в том, что добрые дела – цель их существования. У добра должен быть предел.

Минц имел в виду ужасную историю, случившуюся вчера. Один пенсионер, ветеран, придушил зефира, который принес ему перед сном шлепанцы. С утра город затаился, опасаясь репрессий. Но репрессий не последовало. Руководство зефиров принесло искренние извинения пенсионеру за то, что покойный зефир спровоцировал его на резкие действия, и подарило новый холодильник «Филипс» с доставкой на дом.

– Чувствую я, – сказал Удалов, – что надвигается роковой момент.

– Вы уверены? – спросил из коридора зефир-шахматист.

– Улетайте от нас, по-хорошему прошу, – сказал Удалов. – Не можем мы отвечать добром на добро. Не умеем. Не приучены.

– Нет, – возразил шахматист. – Мы согласны на жертвы. Но мы верим в добро.

Удалов вздохнул и вышел на улицу.

Темнело.

За столом сидели несколько соседей Удалова. Они держали в руках костяшки домино, но игру не начинали. Вокруг – на траве, в кустах, на ветках тополя – расположились зефиры-болельщики.

– Давайте, друзья, начинайте! – крикнул один из них.

– Гру-бин чем-пи-он! – закричал другой зефир из группы поддержки.

– Нет, я так больше не могу! – завопил Грубин и, вскочив, метнул костяшки в своих болельщиков.

– Да гнать их надо в шею! – закричал Синицкий. – Они моему внуку все уроки делают и даже на контрольных подсказывают. Школа уже достигла стопроцентной успеваемости!

И тогда могучий Погосян тоже кинул в пыль костяшки, обернулся, неожиданно подхватил под мышки двух зефиров и выбежал на середину двора. Одного за другим он швырнул их в вечернее небо, где завис космический корабль.

– И чтоб не возвращались! – крикнул Погосян им вслед.

Взлетев на небо, зефиры включили ранцевые двигатели и направились к своему кораблю.

И тут, словно поддавшись единому порыву, все жители города от мала до велика стали хватать зефиров и закидывать их в небо, приговаривая: «И чтобы не смели возвращаться!»

Через полчаса корабль зефиров полыхнул белым огнем из своих дюз и взял курс на неизвестную звезду.

...С тех пор прошло три недели.

Удалов возвращался с работы и в автобусе случайно подслушал такой разговор:

– А может, зря мы их повыкидывали? – спросил один мужчина другого. – Теперь и придраться не к кому.

– Я уж вчера своей благоверной врезал. Так, для порядка, чтобы суп не пересаливала.

– При них суп никто не пересаливал, – вздохнул первый.

Тут в разговор вмешался третий, постарше:

– Хрен с ним, с супом. А вот у меня сосед еврейской национальности, все на скрипке играет.

– И больше не к чему придраться? – спросили его из другого конца автобуса.

– В том-то и дело, – ответил мужчина.

Скандал

Самый громкий скандал за всю историю города Великий Гусяр случился по причине мягкого характера профессора Минца. Уж кому-кому, но профессору пора знать, что любое изобретение, а тем более великое, влечет неприятные последствия. Подобно сильному лекарству от чесотки, которое вызывает ангину, гипертонию и глухоту. Мне вообще кажется, что в современной медицине доктор обязан лечить не от болезней, а от лекарств. Продолжительность жизни, может, и не увеличится, но мучиться будут меньше. Иначе получишь кирпичом в окно.

Удаловская жена Ксения нередко пользовалась добротой профессора в корыстных целях. Вот и в тот лазоревый с золотом последний день лета она пришла к нему с тайным умыслом урвать что-нибудь от профессорского таланта. Поэтому, прежде чем постучать к соседу, она натерла луком глаза.

Профессор играл с компьютером в шахматы и поэтому не сразу сообразил, почему Ксения стоит в дверях, смотрит на него красными глазами, держит в руке детскую курточку и притом от нее сильно несет луком.

– Что случилось? – спросил профессор. – Что-нибудь с Корнелием? С сыном? С внуком?

– С внучонком, Максимкой, – всхлинула Ксения. Получилось очень натурально.

– Заходите, что же вы. – Профессор посторонился и убрал с дороги тугой живот. – Рассказывайте.

Ксения втиснулась в дверь, но дальше не пошла, оробела перед компьютером, потому что тот незнакомым басом прорычал:

– Время, профессор! Не сделаешь хода, считай, что у тебя упал флажок.

Минц кинул взгляд на партнера и снова обернулся к Ксении. Он пребывал в нерешительности.

– Да выключите вы эту железку! – приказала Ксения. – Никуда от них не деться! Скоро власть захватят.

– По крайней мере, порядка будет больше, – огрызнулся компьютер.

Тут Минц его выключил.

– Садитесь, – попросил он Ксению.

– Некогда. У меня проблема, другими словами, беда...

– Говорите! – остановил Минц готовую зарыдать соседку.

– Вот, трагедия моя, – сказала Ксения, протягивая курточку.

– А что в ней плохого? Отлично сшита.

– Отлично. Ясно, что отлично, сама шила. Да мала оказалась! Такой материал подсунули, импортный. Как постирала – курточка сразу в два раза уменьшилась.

– Но чем я могу помочь?

– Максимке вот-вот в школу, – сообщила Ксения. – А курточки нет. Не в чем идти в школу моему малышке, моему сладенькому внучонку.

– Но может, найдете что-нибудь...

– Убыю, – по-соседски предупредила Ксения профессора. – И не думайте увильнуть! Сколько раз спасали, еще раз спасете.

– Но я не знаю, как увеличивать куртки.

– Ученый должен все знать.

И тогда Минц сдался. Он всегда сдавался, если в бой шла Ксения.

– Я придумаю что-нибудь, – сказал он.

– Когда?

– Завтра, послезавтра! – вскипел Минц. – Не могу же я контролировать творческий процесс.

– Хорошо, – смилостивилась Ксения. – После обеда ждите.

Так, наверное, разговаривала статуя Командора со всякими донжуанами.

Ксения покинула профессора и оставила курточку на спинке стула, словно шпиона в лагере врага.

Минц включил компьютер, но быстро проиграл ему. Мысли его так и не вернулись к спокойным играм. Минц получил вызов. Он его принял. Теперь надо было решить задачу.

Решать ее придется неординарно. Ординарно ее давно бы решили. Расшивать, расширять, дошивать, ставить заплатки... это все не для нас.

А что для нас?

Минц шагал по комнате, и пол вздрагивал от его тяжелых шагов.

– Стоп! – сказал он вслух.

Подошел к телефону, набрал номер небольшого городка на острове Сулавеси в стране Индонезия. В этом городке жил ботаник и путешественник доктор Сударито, статью которого Минц прочел в прошлом году, заинтересовался ею, но никак не мог придумать, куда бы приспособить открытие индонезийца. А вот теперь забрезжило...

Ксения пришла вечером. Минц ее обнадежил и выгнал. Сказал, что ждет авиапосылку с острова Сулавеси. Как только произведет над ней нужные манипуляции, Ксения получит свое средство для исправления неудачных предметов одежды.

Посылка пришла через четыре дня, а последующие сутки Ксения в основном провела под дверью профессора.

Время от времени она спрашивала через дверь:

– Ну как наши дела?

А подученный профессором компьютер отвечал ей:

– Иди спать, соседка!

Наконец Минц впустил женщину.

– Садитесь, Ксения, – велел он. – Я вам сразу расскажу о принципе моего открытия, чтобы вы потом не ссылались на невежество.

Ксения уселась на шатучий стул и схватилась за угол стола, потому что была женщиной полной, тяжелой и боялась падений.

– На острове Сулавеси в прибрежных мангровых зарослях доктор Сударито отыскал странный лишайник, названный им Охролахия пассивулифера. Пассивулифера характерна тем, что у нее имеется выразительный накипной мелкозернистый таллом. Апотеции небольшие, вогнутые, бледно-желтые, слоевищевидный край апотеция тонкий... Вам неинтересно?

– Ой, как интересно! – ответила Ксения.

– Впрочем, я не буду тратить время на ботанику.

– Ну и правильно, бог с ней, с ботаникой.

– Главное то, что пассивулифера обладает удивительной способностью как бы обволакивать растения и затем, в снятом виде, сохранять форму растения. Скорость роста этого лишайника умопомрачительная! Но для нас это лишь полуфабрикат.

Минц достал с полки флакончик из-под духов «Арамис» и поболтал.

– А это, – сказал он, – конечный продукт. Наша с вами революция в швейном деле.

– А как нам ее совершить? – спросила Ксения.

– Для этого вам бы неплохо раздеться...

– Чего?!

– Нет, вы не подумайте, Ксения, я понимаю ваше смущение, хотя должен признаться, что как женщина вы не вызываете во мне эмоций.

– Лев Христофорович, я человек терпеливый, но можешь и по роже лица схлопотать! – грубо ответила обиженная Ксения.

Этот возглас не означал, разумеется, какой-либо особой склонности Ксении к соседу.

– Переходим к демонстрации, – быстро сказал Минц и закатал рукав своей рубашки.

Затем он взял со стола лоскуток клетчатой ткани, впрок заготовленный для опыта, и приложил к обнаженному локтю. Потом открыл флакон и капнул несколько раз на ткань.

Тут же на глазах лоскуток стал расти, расползаться по руке, и через минуту изумленная Ксения увидела, что на руке профессора образовался рукав, как бы третий рукав рубашки. Правда, он был длинноват и продолжал удлиняться, но Минц другой рукой протянул Ксении ножницы.

– Пожалуйста, укоротите!

Ксения – существо сообразительное. Недаром столько лет прожила рядом с Минцем. Она взяла ножницы, хотела было отстричь лишнее, но замерла... и спросила:

– А ей не больно?

– Лишайникам не больно, – ответил Минц.

Тогда Ксения аккуратно отрезала лишнюю ткань и принялась ее мять между пальцами и даже нюхать. Но ничего подозрительного не обнаружила.

– Спасибо, – сказала она. – Я все поняла.

И, не дав профессору отказать в даре или выразить сомнение, она схватила флакон. И пошла к двери.

– Но вы хоть поняли принцип действия пассибулиферы? – крикнул ей вслед Минц.

– Не поняла бы, не стала брать, – ответила Ксения. – Паразит ваш лишайник, Лев Христофорович. Понимаю, что он будет мои соки сосать.

– Ах, как точно! – обрадовался Минц. – Образно и точно в переносном смысле.

– В переносном?

– Разумеется, он паразит, но паразит особенный. Этот лишайник питается энергией других живых существ, их теплом, их эмоциями. Пока пассибулифера обитала в мангровых зарослях Сулавеси, она ограничивалась тем, что высасывала энергию у деревьев, чего они, кстати, и не замечали. Но я здесь пошел на шаг дальше, чем позволяет эволюция. Я приспособил метаболизм лишайника к тому, чтобы питаться теплом и иными видами энергии представителей фауны, в первую очередь человека. Я далеко двинул вперед этот лишайник по пути эволюции, в сущности, мы имеем дело не с пассибулиферой, а с ее отдаленным потомком. Понятно?

– По мне, что энергия, что соки, что кровушка моя – все равно. У меня на всех хватит!

И Ксения громко рассмеялась. Она была женщиной широкой в кости, крепкой и не то чтобы толстой, но упитанной.

Но как заблуждались профессор и Ксения!

Они полагали, что подопытным кроликом избрали странный тропический лишайник. На самом-то деле оказалось, что на роль кроликов попали люди.

Если ты ставишь опыты над живыми существами и с помощью генной инженерии толкаешь вперед их эволюцию, всегда задумайся: не будут ли потомки судить тебя суровым и безжалостным судом?

К счастью, трагедии в масштабе Земли не произошло. Но для Гусяря происшедшее вполне можно назвать трагедией.

Ксения возвратилась домой первой. Остальные члены семьи еще обретались в других местах. Корнелий Иванович был в конторе, его сын Максим – у себя в парикмахерской, Маргарита пошла погулять с Максимкой-младшим. По-нашему – с Максим Максимычем, по-ихнему – с Максимом-джуниор.

И так как свободного времени было в обрез, Ксения спешно начала проводить эксперименты с затравкой лишайника, обработанного по методу профессора Минца.

Она достала из-под швейной машинки мешок с лоскутами и заплатами и принялась сочинять себе платье.

Получилось буквально с первого раза.

Достаточно было нескольких капель из флакона мужских духов «Арамис», чтобы лоскуток начал превращаться в одежду. Он превращался до тех пор, пока в нем были силы, содержащиеся в затравке, затем Ксения с помощью ножниц и той же швейной машинки доводила одежду до ума.

Она успела сообразить себе три платья и неплохую кофточку, у которой был один недостаток – слишком прилегала к телу. Но и с этим недостатком Ксения справилась – догадалась, что если оттягивать ткань, пока она растет, то она оттянутой и останется. Так что можно соорудить себе хламиду или балахон. Была бы мода.

Потом Ксения догадалась, как с помощью лишайника делать плиссе-гофре, и, когда домой пришел Удалов, Ксения уже утомилась, истощила нервную систему.

Она сидела на стуле, а на трех стульях, повернутых к ней спинками, висели новые платья. Склонив голову набок, Ксения любовалась ими, как кошка новорожденными котятками. Была бы воля – стала бы их облизывать.

Удалов, как положено глупому мужу, спросил:

– Ты чего платья развесила? Стирала, что ли?

Он и не сообразил, что у жены таких платьев отродясь не было.

Зато когда пришла Максимкина жена, она с порога взвыла.

– Это еще что такое, мамаша? – кричала она. – Что это вы на старости лет решили деньгами разбрасываться?

На что Ксения ответила с достоинством:

– Не твои деньги трачу!

Не было согласия в семье Удаловых.

Ксения хотела было вообще не рассказывать невестке о своих возможностях, крепилась часа два, только после ужина не выдержала. Пусть знает!

Но Маргарита умела быть овечкой, сусликом, бабочкой, когда ей это было выгодно. Так что еще через полчаса женщины уже соорудили ей два платья и один модный плащ по выкройке из «Бурды».

Странности с пассивулиферой начали наблюдаться именно тогда.

Женщины трудились в комнате Ксении, а мужчины смотрели телевизор, но в комнату не заглядывали. Максимка крутился возле женщин и радовался, потому что весь пошел в Корнелия и рос независтливым.

– Ах, мама, – произнесла Маргарита, – как мне нравится вон тот материалчик, на синем платье. У вас еще лоскутка не найдется?

– Кончились, – сказала Ксения. – Возьми другой цвет.

– Нет, мне такой же хочется, – возразила Маргарита и подошла к вешалке, на которой висело новое платье свекрови. Капнула на подол из бутылочки в расчете на то, что платье удлинится и она сможет оттяпать от него лишний лоскут.

Но платье не пожелало расти без человеческого тела. О чем, кстати, Минц Ксению предупредил.

Догадавшись об этом, Маргарита сладким голосом попросила свекровь:

– Мама, можно я ваше синее платьице немножко примерю?

Ксения была доброй. К тому же она знала, что раз Маргарита в два раза ее тоньше, то вряд ли платью будет от нее порча.

Маргарита схватила платье и стала надевать его перед зеркалом.

Платье наделось быстро, словно скользкое, обняло молодую женщину и прильнуло к ней – Маргарита особым женским чутьем поняла, что она понравилась платью.

Она хотела было попрыскать на подол лишайниковым соком, чтобы потом отрезать себе лоскуток, но медлила, словно внутренний голос подсказывал, что лучше платья ей не отыскать. И не надо лоскутки трогать.

И в этот момент Ксения, обернувшись, увидела, что синее платье сидит на невестке в обтяжку, как влитое. Платье-то, оказывается, уменьшилось, а об этом Минц не предупредил.

– Это еще что такое? – спросила Ксения грозно. Не от жадности, но потому, что любила во всем порядок. – А ну вылезай из моего платья. Оно у меня выходное!

О, как не хотелось Маргарите подчиняться этому приказу, но что поделаешь – она принялась снимать платье.

А платье, как в сказке – прилипло. Не снимается.

Ксения кинулась к ней на помощь. Женщины с шумом и сопением сдирали платье с Марго. Удалов было сунулся на шум – Ксения его отогнала, как львица от выводка.

Платье треснуло и распоролось.

Только таким образом удалось его снять с Маргариты.

– Как же так?! Ты мне лучшее платье погубила! – сердилась свекровь.

А Маргарита села на стул и принялась плакать и гладить рваную тряпку, которая покорно лежала у нее на коленях.

– Дай-ка, – велела Ксения. Она приложила к себе лоскуты, побрызгала из флакона, платье начало залечивать свои раны, но на полпути словно передумало и, так и не залечившись, соскользнуло на пол.

Перед сном Удалов еще раз заглянул к Ксении, но атмосфера там была так напряжена, что Удалов стукнулся о нее, словно о стеклянную стенку, и пошел досматривать передачу для детей-полуночников.

Ах эта деликатность Корнелия Ивановича! Ну что ему стоило преодолеть себя и строго спросить у женщин, что же, наконец, происходит? Они бы признались, Удалов бы встревожился и кинулся к профессору Минцу. Он рассказал бы ему, что эволюция загадочного лишайника продолжается немислимыми темпами. Что лишайник уже проявляет симпатии и антипатии, а платье хочет сосуществовать с одной носительницей, а другую презирает.

Тогда бы и Минц опомнился.

Взял бы эксперимент под жесткий контроль...

Я написал эти слова и подумал: а как бы Лев Христофорович это сделал? Велел бы Ксении расстаться с новыми платьями, раздел бы Маргариту? И кто бы его послушался?

Видно, генетическому ускорению было суждено начаться именно в Великом Гусяре. Там же и закончиться...

Когда Маргарита ушла укладывать Максимку, Ксения закрыла к себе дверь и аккуратно развесила все пять сделанных за вечер платьев в большом шкафу, где уже висел праздничный костюм Корнелия и ее собственные вещи. Перед сном ей чудилось, что в шкафу что-то шуршит, словно тараканы или мыши, но Ксения не стала подниматься, потому что уже поняла: даже если мыши сгрызут новое платье, она его тут же восстановит. Теперь оставалась только одна проблема: как заставить этого скрягу Минца дать ей еще флакончик затравки. Ведь ей предстоит и сына одеть, и мужа, а это непросто. Причем неизвестно, умеет ли этот лишайник делать карманы и подкладку для мужской одежды.

А флакон-то был в тот момент у Маргариты, потому что она изготавливала Максимке костюмчик, завтра в первый класс идти. Бабка-то о внуке за эгоистическими развлечениями, конечно, забыла!

Примерно в два часа ночи Удалов совершил еще одну непростительную ошибку, но опять же не сообразил, что это – непростительная ошибка.

Он проснулся, потому что его во сне потянуло сходить по-маленькому. Босиком он медленно пошел к двери, стараясь держать перед собой вытянутую руку, глаза отказывались открываться.

И тут его нога натолкнулась на что-то мягкое, податливое, но вполне подвижное.

Ощущение было настолько необычным и даже пугающим, что Удалов мгновенно открыл глаза и посмотрел себе под ноги.

Свет луны и уличного фонаря, падавший в окно, был вкуче настолько силен, что Удалов мог разглядеть, на что же он чуть не наступил.

И увидел, что по полу медленно ползет, держась ближе к стенке, о которую Удалов только что опирался, женское платье темного цвета с белым воротником и отделкой.

Удалов замер, понимая, что это – сказочный сон, который обязательно нужно досмотреть. И главное – нельзя мешать платью ползти в соседнюю комнату, к молодым. В конце концов, у любого платья могут быть вполне житейские причины ползти в другую комнату. Вот, например, он, Удалов, поднялся же среди ночи, чтобы дойти до сортира!

Чтобы не повредить платью, Удалов остановился и подождал, пока оно втиснется в узкую щель прикрытой двери к молодым. Удалов толкнул дверь, чтобы платью было легче.

Затем сам повернул направо и по коридору пошел в уборную.

И пока был там, он сообразил, что история с платьем ему лишь приснилась. На всякий случай, возвращаясь к себе, он поглядел на пол – никаких следов платья он не нашел.

Тогда он вернулся спать. И ночью ему ничего больше не снилось, если не считать деловых рассуждений, связанных с приватизацией. А когда Удалов проснулся рано утром, он уже был убежден, что история с платьем – странный ночной кошмар, который вытекал из вчерашних разговоров.

Утром был еще один скандал, и опять Удалов не отреагировал на него должным образом.

Он хотел спать, когда Ксения поднялась с кровати. Ей тревожно не спалось. Сердце требовало еще раз поглядеть на платью, не случилось ли что-нибудь в шкафу.

Открыв шкаф, Ксения тоненько взвизгнула, как будто вновь превратилась в юную девочку, обнаружившую, что ее шоколадные конфеты сожрал потихоньку какой-то гадкий мальчишка.

– Не мешай спать, – сказал Удалов, кладя на повернутое к потолку ухо подушку.

– Нет, ты только посмотри! – просила Ксения.

Но Удалов так и не посмотрел.

И не увидел того, что ночью пять новых платьев устроили битву в шкафу с праздничным костюмом Удалова, Ксениным свитером и двумя юбками. Впрочем, надо сказать, что прежние обитатели шкафа не сопротивлялись, ибо не обладали разумом даже на том примитивном уровне, каковой был дан природой лишайнику пассибулифере.

Так что кукушата Ксении растерзали старые вещи в лоскуты и сами заняли весь шкаф, вроде бы даже гордясь своим преступлением.

Ксения же, которой был свойственен антропоморфизм, полагала, что все преступления такого рода могут совершать только люди. Она поняла, что подлая Маргарита, пользуясь темнотой и Ксениным сном, пробралась к шкафу и сама лично разорвала хорошие качественные носильные вещи из патологической злобы к свекрови.

И самое главное – за ночь исчезло кое-как восстановленное синее платье. И тут уж Ксения не сомневалась, что платью было похищено невесткой.

С желанием разоблачить и уничтожить Маргариту Ксения ворвалась в комнату к молодым, но обнаружила там лишь крепко спящего Максима, который на грозный материнский вопрос, где его жена, пробурчал:

– Мать, не возникай!

Ксения хлопнула дверью. Простучала по лестнице каблуками.

Ей хотелось заглянуть к Минцу, разбудить его и скалкой поблагодарить за сомнительный подарок, но пришлось отложить торжество справедливости на завтра. Сейчас надо было разыскать, догнать и уничтожить невестку – нельзя иметь врага в собственном доме.

Маргарита повела сына Максимку в школу. Максимка был очень хорош в новом синем костюмчике. Его мама шла в синем платье, которое вчера было Ксениным, но не захотело оставаться во владении свекрови. И потому в ночной темноте переползло в комнату к Маргарите, надеясь, что утром его увидят и обрадуются.

Платье было право.

Маргарита мгновенно поняла, что это платье всегда принадлежало ей, и только ей.

Ксения настигла невестку с внуком лишь возле школы.

Как раз начиналось торжество. Праздник знаний, первое сентября, первое сентября, первый день календаря, потому что в этот день все мальчишки и девчонки городов и деревень... Учили в детстве?

Маргарита пробилась в первый ряд. Максима от нее уже увели в общий строй первоклашек, и там он стоял, краснел, поглядывал со страхом на маму, а мама думала, что у сынишки самый лучший костюмчик.

Когда Ксения увидела толпу и вспомнила о празднике, она поняла, что не сможет начать скандал при таком скоплении народа. Она притормозила и стала искать взором внука в шеренге новичков.

Тут заиграл школьный оркестр, и под его звуки вперед вышла Анна Леонидовна, завуч младших классов и депутат городского парламента, вождь женского движения за равноправие и просто красивая женщина, самая красивая в городе.

– Дорогие друзья! – звонко воскликнула она, и оркестр послушно умолк. – Сегодня у нас праздник!

И вдруг Ксения почувствовала, что платье на ней затрепетало, стараясь соскочить с тела.

Ксения не сразу сообразила, что происходит, и стала вертеть головой в поисках зловредной Маргариты.

Маргариту она не нашла, потому что ее невестка в двадцати шагах справа испытывала то же тревожное чувство – синее платье буквально рвалось, ища способ слезть с ее тела.

Маргарита решила сначала, что это проделки Ксении, но той не увидела.

Разумеется, обе несчастные женщины не могли подозревать, что лишайник Охролахия пассивулифера, не будучи, разумеется, разумным существом, тем не менее развил в себе начатки сильных чувств. Именно это уникальное свойство лишайника позволило ему выжить в лесах острова Сулавеси, ибо в процессе эволюции он научился в считанные секунды обволакивать своими мелкозернистыми талломами наиболее полюбившиеся ему растения. Причем, помимо излучаемой растением теплоты, для пассивулиферы играла роль и форма ствола – лишайник предпочитает растения стройные и нежные на ощупь.

Попав в Россию, лишайник под талантливыми руками профессора Минца перестроился с деревьев на людей и соответственно подсознательно перестроил свои симпатии и антипатии... Но кто мог подумать, что до такой степени!

Первой завершилась трагедия Ксении Удаловой.

Платье покинуло ее и, развеваясь, как красное знамя над рейхстагом, взлетело выше толпы.

Мало кто увидел, что Ксения осталась в нижнем белье, – зато все увидели, как летит над головами красное платье.

И тут пронзительный женский крик всколыхнул воздух.

Кричала Маргарита.

Ибо ее положение было худшим, чем Ксенино. Ведь с помощью лишайника она не только платье себе изготовила, но и полный комплект нижнего белья.

И это все улетело...

Над толпой взрослых и детей, над цветами, принесенными учительницам, и трубами школьного оркестра летели два платья – красное и синее, летели трусики и лифчик, и, догоняя их, взметнулись в небо детская курточка и детские штанишки... А это означало, что и невинный первоклассник Максим Удалов остался без одежды.

Не шарахнулась лишь прекрасная Анна Леонидовна. Она была отважной женщиной, и ее железный характер был выкован в борьбе с учениками младших классов, а жизненной энергии в ней было столько, что от страсти к ней обезумел лишайник пассибулифера.

В мгновение ока на прекрасную Анну Леонидовну наделось платье Ксении Удаловой и нежно облегло фигуру завуча.

Тут же примеру красного платья последовало синее платье, ушедшее от Маргариты, а поверх платья, опоздав к дележу добычи, попытались надеться трусики и прочие интимные предметы. Наконец на Анну Леонидовну набросилась и одежка Максимки. Все это смешалось, перепуталось, и в результате Анна Леонидовна, подобно древнегреческой царице, оказалась замотана в разноцветную хламиду, ниспадающую до земли.

Тут выскочила совершенно обнаженная и обезумевшая Маргарита Удалова и попыталась стащить хламиду с Анны Леонидовны, что ей не удалось. Из толпы к Маргарите кинулись мужчины разного возраста и под предлогом спасения дамы от психического расстройства стали хватать ее руками и гоготать. Но на помощь невестке прорвалась Ксения, кое-как прикрытая комбинацией и чулками. Ксения подхватила одной рукой ревущего Максимку, второй потянула за собой трясущуюся Маргариту и потащила их домой.

Они бежали, не останавливаясь, до самого дома, а когда вбежали во двор, Ксения подобрала из пыли половинку кирпича и метнула ее в окно Минца.

Окно – вдребезги!

Минц высунулся в окно, но ничего не увидел, потому что пострадавшие Удаловы уже скрылись внутри дома.

Анна Леонидовна выставила свою кандидатуру в Государственную думу. Одевается она разнообразно, сдержанно, но необычно. Лишайники не оставляют ее лаской и любовью.

Вирусы не отстирываются

У профессора Минца было своеобразное чувство юмора.

В прошлом году оно спасло Землю от страшной опасности, хотя с таким же успехом могло ее погубить.

Началось это невинно, на стадионе.

С недавнего времени Минц и его друг Корнелий Удалов зачастили на футбол. Начали болеть за команду «Речник» и сами посмеивались над своим увлечением, называя его старческой причудой.

Ксения эти походы не одобряла. Несмотря на солидный возраст, она продолжала ревновать Корнелия. К тому же рыбалка и грибная охота приносили дому прибыль, а стадион – разорение.

– Мы с тобой теперь на хозрасчете, – объяснила она свою позицию мужу. – Будем жить по замкнутому циклу. Что съел – возврати в хозяйство!

Удалов был поражен такой житейской хваткой Ксении и скромно предложил:

– Давай тогда туалет на дачу перевезем.

– Зачем? – не поняла Ксения.

– Ну, не горшки же полные на автобусе возить! Если приспичило – едем на дачу...

Развить свою мысль он не успел, потому что ему пришлось, прихрамывая от радикулита, бежать прочь из дома от скалки. Впрочем, и это входило в интересы хитроумного Удалова. Он попросил политического убежища в квартире Льва Христофоровича, откуда они потом вместе отправились на стадион.

Именно там на профессора Минца, гениального изобретателя и без пяти минут лауреата Нобелевской премии, снизошло озарение.

Озарение было вызвано опустившимся на стадион туманом, который плавал над полем так, что некоторые игроки бегали по пояс в белой гуще, а от других вообще были видны только ноги.

– Куда ж он бьет? – кричал Удалов. – Куда же он бьет, если ворот не видно?

– Так и вратарь его не видит, – ответил разумный Саша Грубин, сидевший рядом с Корнелием. – Они равны. Но на уровне анекдота.

И тут Минц воскликнул:

– Вот так и поступим! То-то будет смешно!

Закричал он громко, но не то, что принято кричать на стадионе. Туда приходят смотреть и просто кричать, а не выступать.

Однако ругаться на Минца никто не стал, люди сидели свои, из тех, что приходят на стадион и в солнце, и в непогоду. Мест на «Речнике» было всего две тысячи, но и половины не заполнялось. Не очень-то теперь в Великом Гусляре увлекаются футболом. То ли дело в пятидесятые годы!

На крик Минца люди обернулись, но, увидев, что это вопит лысый профессор с Пушкинской улицы, сразу отвернулись. Пусть себе вопит.

– Ты чего? – спросил Удалов.

– Нашел решение, – просто ответил Минц.

– Отложи его в мозжечок, – посоветовал Удалов. – Футбол кончится, тогда и займешься наукой. Каждому овощу свое время.

Тут начал накрапывать сентябрьский дождик. Зонтика у друзей не было, они растянули на троих грубинский плащ и смотрели из-под него, как с правительственной трибуны. Слава богу, дождик прибил туман, и стало видно, что происходит на поле и почему наши опять проигрывают.

После матча они медленно побрели с толпой к выходу из парка, потом, так и не опуская плаща, направились к Пушкинской, к дому № 16. Дождь припустил вовсю, и приходилось перепрыгивать через лужи. В такой обстановке не особенно поговоришь, так что дотерпели до дома, где Минц позвал друзей побаловаться чайком.

Еще чайник не закипел, как Удалов первым спросил:

– Признавайся, Лев Христофорович, что ты на этот раз приготовил человечеству в подарок?

– Не в подарок, а в наказание! – ответил профессор и рассмеялся. – Они еще пожалеют, что хотели устроить у нас соревнование чекистов!

– Проще, Лев Христофорович, – попросил Грубин. – А то мы, простые труженики, вас не понимаем.

– Куда уж проще! Савичей знаете?

– Еще бы не знать!

– Они меня рассмешили. Сначала приходит ко мне Ванда и просит... знаете о чем? Просит установить на ее любимом муже подслушивающее устройство.

– Это еще зачем?

– А затем, что он, по ее подозрениям, завел себе любовницу из числа продавщиц ее супермаркета и даже намеревается улететь с этой продавщицей на Багамские острова.

– И в самом деле смешно, – сказал Грубин. – Савичу уже седьмой десяток...

– Возраст не помеха, мой юный друг, – ответил Минц, и Удалов не сдержал улыбки, потому что Грубину тоже было не двадцать лет.

– Так что же тебя так рассмешило? – настаивал Удалов.

– А то, что муж Ванды, Никита Савич, побывал у меня на следующий день и спросил, не могу ли я установить подслушивающее устройство на его жене.

– Неужели тоже взревновал?

– Хуже! Ему не дает покоя ее богатство. Он уверен, что она заработанные в супермаркете деньги прячет от него и транжирит, устраивая оргии. Смешно?

– Очень смешно, – согласился Удалов, но не засмеялся, и Грубин тоже смеяться не стал.

Минц вздохнул и заметил:

– Чувство юмора у вас плохо развито.

– Не в этом дело, – сказал Грубин.

– Мы их знаем практически с детства, – пояснил Удалов. – Я с Савичем в школу ходил.

– Что вы мне хотите доказать? – удивился Минц. – Что люди не меняются или что все, кто ходил с тобой в школу, застрахованы от ошибок и лишены недостатков?

Удалов не стал спорить. Спор получился бы пустым. Из класса Удалова вышел один полковник, один секретарь обкома в Томске, а двое отсидели в тюрьме. Это о чем-то говорит? Ни о чем.

– Так какая идея посетила вас на стадионе? – спросил Саша Грубин.

– Очень смешная, – признался Минц. – Чудесная идея. Я решил удовлетворить обе просьбы.

– Два магнитофона поставишь? – спросил Удалов.

– Что мы видели на стадионе? Мы видели недостаточно, – начал объяснять Минц. Он стоял перед ними, выставив живот, сплетя пальцы рук за спиной и покачивая лысой головой. – Мы видели туман и части человеческих тел. И я вспомнил, что подобная картина привиделась мне сегодня утром в этом кабинете. Я тогда работал с вирусом «Н-5», генетическим уродцем, который мне удалось выделить во время поездки к небольшому озеру Чистому в районе закрытого города Малаховка-18. В это озеро в течение последних сорока лет сбрасывали атомные отходы несколько секретных заводов и военно-исследовательских институтов. Тем не менее в этом озере смогли выжить три типа вируса «Н-5». Понятно я рассказываю, дорогие друзья?

– Непонятно, зачем ты нам это рассказываешь, – признался Удалов. – А в остальном понятно.

– Сейчас объясню. Обнаружилось, причем совершенно не ожидаемо для меня, что предметы, обработанные этим вирусом, в значительной степени теряют... теряют... – Минц подошел к большому рабочему столу и принялся шарить по нему, как слепой. – Так я и думал! – воскликнул профессор, нащупав нечто невидимое и подняв это нечто двумя пальцами. – Видите?

– Нет, – ответил Грубин.

– Что и требовалось доказать! Этот платок сегодня утром был обыкновенным. Днем, когда мы уходили на стадион, он частично потерял видимость, как футболист в тумане. Сейчас же он стал совершенно невидимым.

– Не может быть! – воскликнул Удалов. – Значит, теперь разрешена загадка невидимости, над которой бились несколько тысяч лет лучшие умы планеты?

– Не так громко, мой друг, не так громко. Лучшие умы бились над чем угодно, но не над культурой вируса «Н-5», что означает «Невидимка, пятый штамм». Над ней бился ваш покорный слуга.

– Надо скорее поделиться этим открытием с человечеством!

– Зачем? – Минц приподнял левую бровь. – Зачем, коллега?

– Чтобы невидимость стала... – Удалов осекся.

Ему в голову приходили различные способы использования невидимости в быту и общественной жизни, но были они в лучшем случае неправильными. В воображении Корнелия возник невидимый шпион, подкрадывающийся к советскому заводу, невидимый враг, переползающий границу, невидимый вор, вторгающийся в мирный дом... Но если наоборот?

– Наоборот? – прочел мысли Удалова Минц. – Пускай наш вор ползет в ночи и грабит дома? Пускай наш невидимый шпион или наш невидимый сержант... Так тебе думать приятнее?

– Как патриоту – приятнее, – признался Удалов. – Но как нормальному человеку – не по себе.

– Вот и я не спешу выпустить джинна из бутылки, – сказал Минц. – Надо еще очень крепко подумать. А пока пускай у меня появятся подопытные кролики...

– Савичи?

– Савичи. По крайней мере, вреда не будет. Вместо магнитофонов предложим им шапки-невидимки.

– А они навсегда останутся невидимыми? – спросил Грубин.

– По моим расчетам, продолжительность жизни вируса на свежем воздухе трое суток. Так что Савичи и испугаться не успеют.

– За трое суток может многое произойти, – тихо промолвил Грубин.

О, как он был прав!

Но, охваченные весельем, представляя себе, в каком смешном положении окажутся подозрительные супруги Савичи, как будут они наказаны за недоверчивость, друзья Грубина не прислушались к предупреждению Кассандры.

На следующий день Минц позвонил Савичу и назначил ему встречу на двенадцать часов дня.

Тот примчался – потный, несмотря на то что день был прохладен, ветер принес с севера холод наступающей осени, а птицы спешили к югу, летя зигзагами, чтобы не подстрелили.

– Где? – спросил он с порога. – Она опять пришла в двенадцать! И от нее пахло мужскими духами «Арамис»! Где микрофон?

Савич все еще работал фармацевтом, и потому у него сохранилось профессиональное обоняние.

– У меня есть для вас средство получше, Никита, – сказал Минц. – У меня есть для вас шапка-невидимка.

И он протянул Савичу пустую раскрытую ладонь.

– Шутки в сторону! – возмутился фармацевт. – Я переживаю душевный излом и не намерен подвергаться...

– Возьмите и наденьте.

В голосе Минца звучала сталь. Савич сразу поскущел и сдался. Он протянул веснушчатую руку и неожиданно обнаружил, что его пальцы коснулись материи. Невидимой материи!

– Наденьте! – повторил Минц.

Савич расправил невидимую шапку и надел на голову. И тут же обернулся в поисках зеркала.

– Не ищите, – остановил его профессор. – Невидимость наступит через некоторое время. И тогда вы сможете всюду незаметно следовать за своей якобы неверной супругой. Но я вас в последний раз предупреждаю: слежка за близкими людьми еще никого не доводила до добра. Лучше поговорите с женой, обнимите ее, покайтесь.

– Никогда! – отрезал Савич и, забыв поблагодарить профессора, пошел прочь.

Минц не расстроился. Он знал цену человеческой благодарности. Он лишь печально улыбнулся и начал вырезать из второй половины невидимого платка круг, а затем сшил его в виде ермолки. Он ждал клиентку.

Клиентка, то есть Ванда Казимировна Савич, директор супермаркета, прибежала, как только ее магазин закрылся на обед. Она пришла не с пустыми руками – принесла две банки зеленого горошка и пачку жевательной резинки без сахара «Стиморол». И с порога сказала, что жвачка очень помогает от кариеса.

– Слушайте, Ванда Казимировна, – остановил ее Минц, – я вам предлагаю средство, с помощью которого вы сможете выслеживать своего неверного мужа, не боясь опознания.

– И какое же?

– А вот наденьте эту шапочку, – Минц протянул к Ванде раскрытую пустую ладонь, – и вскоре вы станете невидимкой.

– А что? – задумалась вслух Ванда. – Это выход!

Она была куда сообразительней Савича, потому, может, и достигла в жизни больших успехов.

Не удивившись, Ванда взяла с ладони Минца невидимую ермолку, надела ее на все еще густые и даже буйные волосы и сразу направилась к зеркалу, которое отыскала без подсказки хозяина. Она встала перед зеркалом, уперев сильные руки в крутые бока, и спросила:

– И когда это начнет действовать?

– К вечеру, – ответил Минц.

– Отлично, – сказала Ванда. – Мой как раз намылится... А это не вредно?

– Нет. Невидимость достигается благодаря совершенно безвредному вирусу, которым обрабатывается материя, – пояснил Минц.

– Раньше про СПИД тоже думали, что это безвредный вирус, – сказала Ванда. – Сколько я вам должна, профессор?

– Мне достаточно вашей благодарности.

– Еще лет десять назад я смогла бы вас отблагодарить, – откровенно призналась Ванда. – Сейчас мои прелести упали в цене до нулевой отметки.

В тот день Савичи возвратились домой пораньше. Каждый из них опасался, что начнет становиться невидимым на людях. Дома они были друг с другом необыкновенно вежливы. Ванда даже приготовила суп из американского пакетика и пюре «Анкл Бэнс» с негром на этикетке.

– Ты вечером дома? – спросила она мужа за обедом.

– Не знаю, – искренне ответил Савич. – А ты?

– Тоже еще не знаю, – откликнулась Ванда.

Пока она мыла после обеда посуду, Савич заглянул в ванную и со сладким ужасом увидел, что верхняя часть его головы, там, где располагались пегие волосы, куда-то исчезла.

Начинается...

На глазах происходило его превращение в человека-невидимку. Уже исчез лоб, вот пропадают куда-то глаза... Чем же смотреть теперь?

– Ты еще долго будешь там сидеть? – крикнула из кухни Ванда.

– Одну минутку! – На всякий случай Савич накинул на голову полотенце и стал похож на бедуина в пустыне Сахара. Он метнулся в прихожую и оттуда неубедительно крикнул жене: – Мне надо на полчаса выйти. Я забыл в аптеке книжку.

Хлопнул дверью и кинулся вниз по лестнице. Полотенце он оставил на столике в коридоре, и оно начало постепенно исчезать: вирус пережил период адаптации и теперь принялся за работу.

Ванда пожала плечами. «Пожалуйста, – подумала она, – бегай в свою аптеку. На свидание тебе еще рано. Ты еще вернешься домой надеть галстук и причесать последние перышки. А я пока подготавливаюсь...»

Она прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Зрелище оказалось ужасным, и, не будь Ванда человеком сильной воли, она упала бы в обморок.

Оказалось, что у нее начисто отсутствует верхняя половина головы. То есть голова начиналась только с середины носа, а сквозь бывший лоб можно было увидеть заднюю стену ванной и приоткрытую дверь.

«Слава богу, – подумала Ванда, – что мой чудак убежал. Хороша бы я была с половиной головы. Он бы точно решил, что я сошла с ума, вызвал бы “скорую” – вот тут бы началось!»

Ванда смотрела, как постепенно линия невидимости опускается все ниже. Вирус уже съел щеки, верхнюю губу и зубы... «А ведь даже интересно, – подумала Ванда. – Но не стоять же мне у зеркала! Посмотрю-ка я новости...»

Она уселась у телевизора и, несмотря на то что ее подмывало снова вернуться в ванную, продержалась у экрана десять минут.

И только когда заметила, что лишилась рук, Ванда поспешила к большому зеркалу.

Это было бы смешно, если бы не было странно: Ванда существовала только до талии. Выше талии Ванды не оказалось. Какой молодец этот Минц! Надо будет ему сделать подарок.

Ванда зачарованно следила за постепенным своим исчезновением. И тут услышала, как в двери поворачивается ключ: вернулся Никита.

Нет, нельзя, чтобы он увидел ее ноги без туловища!

Ванда выбежала из ванной, на цыпочках промчалась на кухню и зашла за стол, так, что теперь ее ноги от двери не были видны. Ванде показалось, что Никита уже возится в коридоре. Сейчас он войдет...

Но Савич не вошел.

Вроде кто-то вошел, но Савича не было.

Ванда кинула взгляд вниз. На полу стояли только ее туфли, а ног уже не было. Сняв туфли, она осторожно вышла в коридор. Там никого не было, хотя казалось, что кто-то дышит.

Как ни странно, ни в тот момент, ни впоследствии Ванда не подумала о том, что Никита тоже может стать невидимым. И Савичу не пришло в голову, что его жена тоже бегала к профессору.

Ванда испугалась, что в доме кто-то есть, тогда как там никого не было видно. В одних чулках она выскочила наружу и только там вздохнула с облегчением. Она решила, что добежит до аптеки, там или по дороге домой перехватит мужа и начнет за ним следить.

Тем временем Савич, который, как можно догадаться, стал невидимым на несколько минут раньше Ванды и вернулся в таком виде домой, жены не застал и несколько встревожился. Неужели эта интриганка воспользовалась его отсутствием и убежала по своим развратным делам?

Савич опять вышел на улицу, размышляя, кому из приятельниц или приятелей жена решила нанести визит. Но был так занят своими подозрениями, что не заметил исчезновения столика в прихожей, на который недавно положил полотенце.

Невидимый Никита Савич пошел по улице, разыскивая супругу.

Невидимая Ванда Савич шла к аптеке, разыскивая своего неверного мужа.

В аптеке Савича не оказалось. И Ванда вдруг подумала, что очень забавно подходить к людям, подслушивать их тихие разговоры, следить, как они встречаются и расстаются. И хоть она не нашла Савича, но вскоре настолько увлеклась исследованиями человеческих характеров, что забыла о муже. Вершиной ее приключений было выслеживание собственной заместительницы Раиски, которая побежала на свидание с Колядкиным. Ванда отправилась вслед за возлюбленными к Раиске домой и даже сидела с ними за столом, выслушивая нелестные сплетни о себе самой, но не обижаясь, так как быстро поняла, каким образом теперь возьмет весь магазин в ежовые рукавицы – ни одна сотрудница, ни один бухгалтер не скроются от ее повседневного и поминутного контроля. Даже ночью, даже в постели, даже за семью замками... Тут Колядкин возбудился и стал целовать Раиску, а потом они пошли в спальню, и, что удивительно, Ванда не испытывала никакого стыда, присутствуя при их акте любви, который она рассмотрела во всех деталях.

А Савич тем временем носился по знакомым Ванды. Это оказалось удивительно интересно, поскольку знакомые не подозревали, что находятся под пристальным наблюдением. На это ушло часа три. Ванду Савич не нашел, он был удивлен и встревожен тем, что ни в одном из подозрительных мест, ни с одним из подозреваемых лиц он свою жену не застал. Кого только и за чем только он не застал! А Ванды не было...

Так что часам к девяти он собрался домой.

Усталый, раздосадованный, он плелся по улице.

А с другой стороны к дому приближалась Ванда.

Они сошлись возле своего дома. Дом был собственный, еще крепкий, в три окна на улицу, с палисадником и сараем.

Никита шел с юга, Ванда шла с севера. У дома они и должны были встретиться.

Но тут Никита увидел, что на месте их дома ничего нет.

И Ванда, приблизившись с другой стороны, пришла к такому же заключению.

Разумеется, Савич не вспомнил, что он положил зараженное вирусом полотенце на столик в прихожей.

Он лишь кинулся к дому – в ужасе оттого, что дом сгорел или украден подобно автомобилю, но, налетев на забор, вскрикнул от неожиданности и боли.

Ванда, которая стояла рядом и в ужасе глядела на яму, которая образовалась на месте дома, услышала крик мужа и спросила:

– Это ты, Никита?

И тот ответил:

– Да, кажется, это я...

Через полчаса возмущенные супруги были у профессора Минца.

Они металась по кабинету, сталкивались, отчего на пол падала лабораторная посуда, книги и даже опрокидывалась мебель.

– Что вы с нами сделали?! – кричал Никита. – Кто вас просил лишать нас жилища?

– Не для того мой покойный папа возводил наш дом, чтобы вы его разрушили! – поддерживала мужа Ванда.

Отступивший в угол Минц забыл простую истину: супруги могут злиться, ругаться, даже убивать друг друга, но как только они видят общего врага, они обязательно объединяются и уничтожают противника совместно. Это биологический закон Вселенной.

– Ничего с вашим домом не случилось, – пытался защищаться Минц. – Он в норме.

– Его ваш вирус сожрал!

Возмущенные крики разносились по всему дому, и вскоре, открыв дверь без спроса, в профессорском кабинете появился Удалов.

– А чего плохого? – сказал он. – Невидимые хозяева невидимого дома! Сюжет для небольшого романа.

На это последовал взрыв негодования, но Удалов не смутился.

– Никита, Ванда, – обратился он к супругам-невидимкам, – к сожалению, я в курсе дела. Вы хотели друг другу насолить, вы проявляли недостойную подозрительность. Вы наказаны за ваши собственные грехи, и радуйтесь, что наказание такое мягкое.

– Вот именно, – сказал Минц, но из угла не вышел.

– А если это навсегда? – спросила Ванда.

– О нет! – воскликнул Лев Христофорович. – Клянусь вам, мною проведено множество опытов. Вирус погибает на открытом воздухе на третьи сутки.

На этом бой завершился. Удалов принес большую миску вермишели, чтобы покормить невидимок. Странно было смотреть, как пропадает из миски еда, как двигаются в воздухе вилки... Корнелий вначале думал, что будет видеть, как вермишель спускается по пищеводам, но ничего подобного – она исчезала уже во рту: вирус набрал силу и научился действовать быстро и энергично. Он был в расцвете своих вирусных сил.

После обеда Ванда решила пойти в ванную. Она, конечно, верила Минцу, но сомнения ее не оставляли, как не оставляла и надежда. В ванной она разделась и принялась отчаянно стирать платье. От такой стирки кое-где платье приобрело частичную видимость, но пока Ванда отмывала свое тело, вирус восстановил утраченные позиции. И все снова стало невидимым. И когда Ванда возвратилась в комнату к мужчинам и со слезами в голосе призналась в провале своих попыток, Минц мудро заметил:

– Вирусы не отстирываются.

Никто, конечно, и не подумал тогда, что вирус уплыл во время стирки в городскую канализацию!

С громадным трудом Удалову с профессором удалось уговорить невидимых супругов пойти домой и постараться заснуть. Савичи отказывались, пока виновник их несчастий и Корнелий не согласились проводить пострадавших до родного дома.

Прохожие, возвращавшиеся из кино или из гостей, с удивлением взирали на двух пожилых мужчин, которые, быстро шагая по улице, разговаривали на четыре голоса, причем один из голосов был женским.

Удалов понимал, что сердиться на Савичей не следует, даже если они грубят. Они живут в страхе: а вдруг это уже насовсем? А вдруг вирусы уже никогда не отстираются? Ты идешь рядом с супругом, которого любил или терпел последние сорок лет, а его на самом деле нет, только голос доносится чётр знает откуда. Ты спешишь домой, но не уверен, что на самом деле дом существует. Быть невидимым в видимом мире – еще полдела. А попробуйте побыть невидимым в мире невидимых вещей!

Савич по голосу отыскал жену, провел пальцами по ее плечу и схватил за руку. Так они и шли, взявшись за руки, словно испуганные дети. Профессор с Удаловым об этом не догадывались.

Когда дошли до исчезнувшего дома Савичей, оказалось, что положение куда хуже, чем час назад. Не только дома не было, не существовало более и окружающей растительности, а на месте участка зияла черная пропасть, до дна которой не мог достать жалкий свет уличных фонарей. Невидимость подбиралась к соседнему дому, где в освещенных окнах виднелись люди, собравшиеся ужинать. Боковой стены дома уже не существовало, только жилыцы, сидевшие за столом, об этом пока не догадывались.

Удалов подавил готовый вырваться крик ужаса, но Ванда такого крика подавить не смогла.

– Пошли, – позвал ее Минц. – Не бойтесь. Все это лишь видимость. Перед вами твердая земля, впереди – ваш родной дом. Вперед без страха и упрека.

– Нет! – отказалась Ванда.

– Как только мы войдем внутрь, все станет нормальным, – уговаривал Минц. Он отыскал ее в полутьме и подталкивал в широкую горячую спину. Даже странно, что такая горячая спина могла быть невидима! Ванда не расставалась с мужем и тащила его за руку. Удалов замыкал шествие.

Труднее всего дались первые шаги. Корнелий подумал, что путешествие над пропастью подобно ходьбе по стеклянному полу на высоте трех этажей. Надо привыкнуть, главное – не смотреть под ноги.

И все же он не выдержал и закрыл глаза. Наверное, все закрыли глаза, потому что одновременно ахнули, ударившись о забор.

После этого стало полегче. Теперь руки ощущали. Теперь ноги чувствовали под собой дорожку, теперь уже пальцы сами отыскивали невидимый ключ в невидимом кармане, сунули его в невидимую скважину и толкнули, отперев, невидимую дверь. Дверь реалистически заскрипела...

Когда Савичи вошли в дом, где тесно и приятно сдвинулись стены, где можно было расставить локти в коридоре и ощутить обои, стало легче.

– Ложитесь спать пораньше, – посоветовал Минц. – И поговорите наконец откровенно. Ведь вы бы не попали в дурацкое положение, если бы не стремились выслеживать друг друга.

– Как так? – воскликнула Ванда.

– Как так? – ахнул Савич.

Только сейчас они догадались, как глупо себя вели.

– Ах, прости меня... – произнес Савич.

– Извинения потом. Нам с Корнелием пора уходить. Ложитесь спать и обменяйтесь впечатлениями.

– Что вы такое говорите? – вдруг обиделась Ванда. – Не хотите же вы, чтобы я стала раздеваться на глазах у всего города!

– Город вас не видит, и ему вообще не до вас! – сказал Минц. – Спокойной ночи!

Они с Удаловым ощупью покинули дом и ощупью вышли через калитку.

– Но вы уверены, что это пройдет? – крикнула вслед Ванда.

– Послезавтра, – пообещал Минц.

– А нельзя ли пораньше?

– Мы с вами подняли руку на Природу, – ответил Минц. – Это дело не выносит суеты. Ванда растерялась и замолчала.

Минц потянул Удалова прочь от черного провала, который был полон перепуганных голосов, так как невидимость сожрала уже половину соседнего дома и жилыцы его, спохватившись, старались выяснить, что же происходит.

Минц и Удалов быстро пошли по улице.

– Я не мог говорить при них, – сказал Минц. – Но я крайне встревожен.

– А я просто напуган, – признался Удалов.

- Не сегодня завтра наш Гусяр может исчезнуть!
- Люди не готовы, начнется паника, будут жертвы...
- Не паникуй, Корнелий. Сейчас придем ко мне, сядем и всё обсудим.

К сожалению, сделать этого им не удалось. По очень банальной для Великого Гусяра причине: когда они подошли к дому № 16 по Пушкинской улице, то обнаружили, что дома № 16 нет, а на его месте зияет глубокий провал, захвативший также соседние дома. Более того, Удалов даже не был уверен, куда двигаться, чтобы нащупывать свой дом, на месте которого находилось лишь туманное зарево. Это вначале смутило, хотя потом Корнелий сообразил: ведь оттого, что мир стал невидимым, лампы гореть не перестали.

Минц с Удаловым стояли посреди улицы.

- Там моя семья, – обреченно сказал Удалов. – Они ушибиться могут.
- Тогда надо действовать! – принял решение Минц.

Удалов открыл рот, чтобы выслушать внимательнее, что же предложит Минц, какое противоядие он отыщет, но тут с ужасом обнаружил, что перед ним стоит не Минц, а лишь правая половина Минца – левую уже сожрал вирус.

- Ты тоже, – грустно произнес Удалов.
- Не отвлекайся на мелочи, – сказал Минц. – Надо бежать на радио – объяснить народу.

Видимого Удалова пускать на радио не хотел вахтер. Но когда появилась четверть Минца, вахтер потерял сознание, а Удалов пробежал наверх, к диктору. Диктор тоже немного сопротивлялся. Пока не увидел осьмушку Минца. И тогда в эфир пошло спасительное предупреждение.

Сменяя друг друга, Удалов и Минц провели на радио всю ночь. Именно там был организован штаб по ликвидации последствий невидимости. Именно оттуда разлетались сигналы по всей стране, а потом, когда к утру исчез уже не только Гусяр, но и Вологда и невидимость начала подкрадываться к антиподам, то есть к австралийцам, Гусяр на несколько часов был признан столицей мира. Мира, который исчез...

Но главное не в этом.

Ни Удалов, ни Минц, ни правительство России не знали о том, что по странному, но предопределенному Природой стечению обстоятельств через сутки после первого радиосообщения: «Мы невидимы, но мы остаемся людьми!» – к Земле приблизилась на громадной скорости эскадра Черных Владык с неизвестной на Земле, но немало нашкотившей в Галактике Сизой Планеты Немедленной Смерти, которая поставила себе целью уничтожить Землю как будущего лидера Освобожденной Галактики. Однако злодеи не смогли отыскать Землю.

По всем данным, по всем звездным картам, по сведениям шпионов, Земля должна была находиться в определенном компьютере месте. Но сколько ни вглядывались в темноту космоса капитаны Черных Владык, никакой Земли они не увидели. Тогда, казнив шпионов и осведомителей, сломав лживый компьютер, уничтожив весь запас спиртного и наркотиков, взбешенные негодяи взяли курс в открытый космос. Будучи в невменяемом состоянии, они влетели в Солнце и сгорели без следа, открыв дорогу миру и прогрессу в масштабах всей Вселенной.

Об этом Удалову сообщили в Галактическом центре, куда он летал года через два после описанных событий.

Савичи живут в мире и согласии. Минц не испытывает никаких угрызений совести. Он передал пробирку с вирусом в ООН, и теперь войны на Земле невозможны. Ну как могут воевать невидимые враги? На ощупь?

Ляльки

Когда первая лялька появилась в Великом Гусяре, сказать трудно. Но, видно, привез ее из поездки в Японию сын Савича Аркадий, коммерсант. Ляльки, как известно, неприхотливы – Аркадий привез ее в сумке. Лялька молчала, не шевелилась, словно понимала, что таможенный контроль пройти непросто.

Потом лялька пропутешествовала через пол-России и оказалась в нашем тихом городке.

Аркаша Савич пришел домой и с порога сказал:

– Индивидуальных подарков прошу не требовать. Есть один подарок на всех – надеюсь, будете довольны.

Он раскрыл сумку, и оттуда высунулась очаровательная звериная мордочка. Впрочем, никто не скажет, что у лялек звериные мордочки. Это просто милые мордочки. Мордашки.

Все смотрели на животное, затаив дыхание. Лялька тоже рассматривала новых хозяев, потом высунула мордочку побольше, чтобы оглядеться.

– Вылезай, тут все свои, – сказал Аркаша.

И послушно, как домашний котенок, из дорожной сумки вылезла лялька.

Ляльки ростом побольше кошки, ну, скажем, с бобра, если вам приходилось видеть бобра. А скорее ее можно сравнить с лисичкой. Цвет у ляльки золотистый, отлив шерсти атласный, глазенки голубые, как пуговицы, но живые и сообразительные. Личико – вернее, мордашка – подвижное, передние лапки оканчиваются пальчиками, ручки как у людей, но задние лапки будут посильнее и снабжены коготками. Рот у ляльки узкогубый, чуть загнутый в углах, так что она все время улыбается.

Обычно ляльки бегают на четырех лапках, чуть приподняв зад и поводя, как знаменем, пушистым беличьим хвостом, но порой могут встать на задние лапки и даже ходить на них – зрелище, скажу я вам, уморительное.

Главное их качество – очарование.

Второе главное качество – неприхотливость.

Третье – привязчивость к хозяевам.

Через пять минут после прихода Аркаши с лялькой все Савичи сгрудились вокруг зверька, всем хотелось ее погладить, взять на руки, потискать, почесать ей за ушком – и лялька совершенно не возражала.

– А что она ест? – спросила Ванда Казимировна.

– Что и мы, – сказал Аркаша. – В этом был великий смысл эксперимента. Неужели не читали?

Но его родители не читали. Потому что великое открытие, приведшее к появлению на свет лялек, совершилось сравнительно недавно – три года назад. И лялек тогда на свете было еще маловато. О них писали, конечно, о них говорили по телевизору. Но вы ведь знаете, сколько в мире новых игрушек и развлечений!

Хотя, конечно же, ляльки не игрушки.

Это – живые существа, но выведенные генными инженерами в Японии.

Задача была поставлена простая: хватит нам искусственных игрушек! Создадим по-настоящему живую игрушку для детей всей планеты. Идеальное домашнее животное, которое не гадит, не капризничает, не царапает хозяйского ребенка, красивое, ласковое и общедоступное.

Конечно, опыт удался не с первого раза. Но какое великое изобретение получается сразу? Это только наивные люди считают, что увидел Ньютон, как яблоко с яблони упало, и тут же придумал свой знаменитый закон. Ничего подобного. Ньютон просидел в том саду два года под дождем, солнцем и даже снегом, ожидая, когда нужное яблоко упадет в нужном месте.

– Как его зовут? – спросил старший Савич. – И вообще, это он или она?

– Это лялька, – сказал Аркаша. И не потому, что ему подсказали, как назвать животное, а так, изнутри, поднялась волна нежности к этому созданию.

– А где она будет спать? – спросила Ванда Казимировна.

Лялька, которая, конечно же, не понимала русского языка, но была, по выражению профессора, эмпатом, почувствовала, чего от нее хотят, и резво побежала на кухню, оттуда – в переднюю. Она отыскала себе место в самом укромном, непрестижном уголке передней, где никому не могла бы помешать. И хотя новые хозяева предпочли бы более удобное место, лялька настояла на своем: легла в уголке напротив вешалки, свернувшись клубочком – будто всю жизнь там провела. Да и прочие свои житейские проблемы лялька решила так же просто – ни одной кошке не догадаться. Сначала она пошла на кухню, остановилась, подняв мордашку, выразительно поглядела на Ванду, и той захотелось поставить там мисочку для животного. Что она и сделала. И налила туда молочка. Лялька вежливо похлебала и тут же пошла в туалет, где на глазах у всех прыгнула на унитаз, показав, что и этот человеческий обычай ей не чужд.

Так началась жизнь ляльки в доме Савичей.

Лялька поднималась первой, но хозяев никогда не будила, а усаживалась в изголовье постели супругов Савичей, которых признала за главных хозяев, и ждала, пока они проявят признаки пробуждения. Тогда лялька поднимала лапку и осторожно гладила мягкими подушечками руку Никиты или Ванды – кто раньше проснется.

Охваченный чувством вины, Савич вскакивал с постели и торопился налить молочка в миску лялечке, а потом – уже за завтраком – делился с ней кусочком омлета, яичком или кексом. Лялька и на самом деле была неприхотлива – что ни давали, она с благодарностью принимала.

Поев и справив нужду, лялька шла гулять. Благо дом Савичей индивидуальный, за забором, по двору и палисаднику можно было гулять, не опасаясь проезжего транспорта или злых прохожих.

Лялька так забавно гонялась за насекомыми, что люди смеялись. Однажды она принесла домой мыш-полевку, и Аркаша, который упустил бразды правления в семье, сказал лялке:

– Это не в образе, старуха.

«Старуха» склонила набок голову. Она старалась понять, чего же неправильного она сделала, чем вызвала упрек хозяина. Но не поняла. Оставила мышку лежать на полу и, опустив хвост, ушла. Она была сыта. А если лялька ловила птичек, то никогда не приносила их хозяевам, и, только увидев в очередной раз перышки на дворе или на подоконнике, Савичи догадывались, что у ляльки снова была удачная охота.

Избрав Ванду Казимировну любимой и главной хозяйкой, она дождалась ее у дверей, когда та уходила в магазин, и тихо скулила, если хозяйка задерживалась. При виде Ванды лялька принималась забавно кататься по полу – четыре лапки кверху – и мурлыкала, как котенок.

В поведении лялька многое переняла у кошек, но конечно же она не была кошкой: по развитию своему она стояла где-то между кошкой и обезьянкой, но преданность хозяевам и умение очаровать даже самого ярого ненавистника животных были удивительны и вызывали умиление.

Многие приходили посмотреть на зверька, благо он был в диковинку, даже профессор Минц, сам большой ученый, посетил Савичей. Лялька терлась о его ноги, но на колени взбираться не стала, словно почувствовала, насколько Минц предубежден против любых близких контактов как с животными, так и с людьми.

Лялька покрутилась возле гостя – видно, надеялась на какой-нибудь подарок, но не дождалась. Минц присаживался перед ней на корточки, заглядывал в глаза, вздыхал, но был скупен для ляльки, которая даже не пошла провожать его до двери, как обычно провожала

гостей. У нее была удивительная память, она знала в лицо и по запаху всех родных и знакомых своего дома, и для каждого у нее были свои ужимки и прыжки, свое мурлыканье или иной приятный звук, так что визитеров в доме Савичей прибавилось.

Так прошло месяца два, и лялька заскучала. Она стала плохо есть, забывала о своей роли украшения дома, как-то раз даже убежала на улицу, и ее пришлось ловить – правда, она сама нашла дорогу домой раньше, чем ее выловили. Когда Минц об этом узнал, он сказал: «Хорошо, что она не начала размножаться. Доб ро должно быть дозированным».

Как видите, даже такой крупный ученый не смог предугадать будущего.

Однажды вечером, глядя, как томится, бродит из комнаты в комнату, потягивается, нервно зевает, вздыхает лялька, Никита Савич сказал:

– Я понял.

– Что? – спросила Ванда.

– Ей нужен дружок, – сказал Никита.

При этих словах лялька, которая давно уже научилась понимать человеческую речь, подняла остренькое ушко, удовлетворенно пискнула, а потом бросилась к камину, над которым на полке стояла свадебная фотография Савичей, встала на задние лапки и вытянулась что есть силы, чтобы достать концом мордашки до края фотографии.

Савичи конечно же засмеялись догадливости зверька и начали обсуждать, что же теперь делать. Аркаша вроде бы в Японию не собирался, по почте такое ценное животное не выпишешь, в газетах объявлений не видать... И тут, на счастье, пришло письмо из Японии от фирмы «Мицубиси-энималз». Письмо было вежливое, даже дружеское, и в нем говорилось, в частности, следующее:

«Дорогой незнакомый русский друг! Вы приобрели чудесного друга – зверька хонки, выведенного нашей фирмой. Мы не сомневаемся, что зверек вам понравился, стал членом вашего семейства и вы испытываете к нашей фирме законную благодарность. Однако наступает день, когда все живое стремится к любви. Стучится это и с вашим любимцем. Он расстраивает вас, он не столь любезен вашему сердцу, как прежде. Поймите, это не его вина, а его беда. Зная об этой вашей проблеме, мы готовы выслать вам в особой упаковке таблетки для искусственного осеменения вашей хонки, что представляет собой надежное средство нашей фирмы с гарантией положительных результатов. Вы сможете сделать добрый подарок вашим близким или совершить выгодный бизнес. По получении бандероли вы должны будете заплатить небольшую сумму в 98 долларов США, а также подписать петицию о возвращении Японии островов Шикотан и Кунашир».

Письмо вызвало радость в семействе Савичей, однако проблема Южно-Курильских островов решилась не так быстро. В конце концов подписала это письмо только Ванда Казимировна – во-первых, потому, что более всех любила зверька, а во-вторых, потому, что не знала, где эти острова находятся.

Посылка была получена, зверек с жадностью проглотил таблетки и через два месяца произвел на свет четверых чудесных детенышей.

Надо сказать, что у дома Савичей выстроилась невиданная очередь на получение ляльки. Некоторые родственники радели о своих детях, другие желали скрасить одиночество старости, а дальний родственник Пупыкин хотел создать небольшой питомник и торговать ляльками.

В тот день, когда Савичи вне себя носились по дому (одни – помогая ляльке кормить малышей, другие – доставая ей витамины, третьи – отбиваясь от родственников), профессор Минц призвал к себе соседа Удалова и показал ему газету «Сенсации недели», выходившую в Вологде, где его внимание привлекло сообщение из американского штата Калифорния, власти которого запретили ввоз из Японии животных хонки, известных в Штатах под именем «долли», так как они вытесняют из сердца людей всех иных живых тварей, заставляют пренебрегать заботой о собственных детях и, возможно, нарушают экологический баланс в штате.

– Ну, нам это не грозит, – сказал Удалов. – Это как СПИД – пугают, пугают, а эпидемии у нас не получается.

– Ох, не скажи! – вздохнул Минц.

У Родионовых был любимый кот.

Он не полюбил ляльку, которую они выпросили у Савичей. Кот ревновал, шипел и делал вид, будто хочет растерзать японского зверька, но так как уступал ему размером и резвостью, то ограничивался угрозами и попытками сожрать из его мисочки прежде, чем лялька успеет к обеду.

Это было поводом для смеха и шуток в семействе, пока Васька не пропал. Вроде из дома не выходил, был осторожный, кастрированный и умудренный. А вот пропал.

Все расстраивались, и тетя Шура вдруг сказала, что ей не нравится улыбка этой ляльки. Остальные, конечно, накинулись на тетю Шуру с упреками, а лялька – подросток, милый и робкий, от обиды спряталась под диван и не выходила до ужина.

Обглоданные кости кота нашли под лестницей. Видно, пошел гулять, да встретился с какой-то собакой.

Профессор Минц вырезал заметки о ляльках, которые все чаще мелькали в газетах, хотя лялек в нашей стране было меньше, чем в капиталистически развитой Америке или в Швейцарии. И именно профессор Минц вычитал статью в «Нейчур», где с цифрами в руках доказывалось, что, будучи идеальным домашним животным, хонки (они же долли, они же ляльки) не выносят никакой конкуренции со стороны иных животных. И потому генетически запрограммированы на их уничтожение. Фирма «Мицубиси-энималз» подала на «Нейчур» в суд, но, пока суд тянулся, в Великом Гусяре пропал карликовый пудель Бим, проживавший в одной квартире с новой лялькой. А надо сказать, что к тому времени в городе развелось десятка три лялек – третье и четвертое поколения образовались без помощи японских пилюль, естественным путем.

Ну пропал пудель – и пропал, но хозяйка увидела, вставши на рассвете, что ее любимая лялька что-то копает в палисаднике на клумбе с флоксами. Она заинтересовалась и очень удивилась, что лялька при виде нее умчалась.

В ямке, полузасыпанный, лежал обглоданный собачий скелетик. Так закончил жизнь пудель Бим.

– Этого следовало ожидать, – сказал профессор Минц и написал статью в газету «Гуслярское знамя», в которой объяснил, что японские ученые добились даже лучших результатов, чем те, к которым стремились. Судя по всему, они достигли идеального «эффекта кукушки» – ради сохранения своего места в семействе (в стае) зверек лялька способен на любое преступление, ибо он не воспринимает свой поступок как преступление. Ведь, нападая на гнездо малиновки, кошка не думает, что она убийца.

Статью напечатали под странным заголовком: «Берегите собак», и никто не принял ее всерьез.

Да и как примешь такую статью всерьез, если ты сидишь в кресле, перед тобой журчит телевизор, а на коленях у тебя пригрелось любимое очаровательное существо, чудо, которое позволяет тебе отдохнуть после отвратительного трудового дня и свары в автобусе.

...Это случилось в английском городке Бромли под Лондоном.

Миссис Мэри Вайкаунт беспокоилась о здоровье своего малыша, который перенес сильную простуду. Она проводила у его постельки дни и ночи, отрываясь лишь по крайней необходимости. А надо сказать, по сведениям газеты «Дейли телеграф», Мэри жила одна, муж ее служил на Фолклендских островах.

Домашняя долли меняла шерсть и на два или три дня стала источником аллергии. Понятно, что миссис Вайкаунт не пускала животное в детскую спальню.

Утром в пятницу Мэри обратила внимание, что долли сердится, отказывается принимать пищу и даже скалится, чего раньше с ней никогда не случалось. А когда, проходя мимо, Мэри рассеянно хотела приласкать животное, долли отпрыгнула в сторону, чем вызвала улыбку хозяйки, которая не придавала событию значения.

Покормив малыша, Мэри отправилась на кухню и взяла там мешок с мусором, чтобы отнести его в палисадник к урне. Отсутствовала она не более двух минут, и когда возвратилась в дом, ее насторожил неясный шум наверху. Движимая материнским инстинктом, Мэри кинулась наверх – и вовремя. Она застала свою любимицу долли, когда та, вспрыгнув на кровать, впиалась острыми зубками в горло малышу.

Мэри стала отрывать долли от жертвы, та сопротивлялась, распоролла руки до локтей острыми когтями задних лап, но когда, оторвав ее от малышки, Мэри с отвращением отбросила долли в угол, та вдруг потеряла агрессивность и совсем по-человечески виновато прикрыла лапкой мордашку и залилась неудержимым плачем.

Когда домой приехал вызванный матерью муж, он был в бешенстве.

Он хотел немедленно отдать зверушку в клинику, где бы ее усыпили, но долли как будто поняла, что ей грозит: она легла на спину, подняв кверху лапки, и стонала от горя. Долли лизала пол, пыталась целовать ноги хозяевам, а пришедший ветеринар объяснил поведение зверька ревностью, которая, оказывается, свойственна всем животным, а наиболее ласковым и привязчивым – в наибольшей степени.

Ветеринар согласился увезти с собой несчастную долли, и Мэри, хоть и была согласна с мужем, что нельзя подвергать опасности жизнь ребенка, переживала, наверное, не меньше зверька.

Ветеринар, как стало известно впоследствии из газет, не смог отвезти животное в клинику и, охваченный симпатией к зверьку, решил отвезти долли домой, чтобы усыпить ее там. Но чем ближе он подъезжал к дому, тем более проникался сочувствием к несчастному зверьку. Ведь долли действовала инстинктивно, она старалась сохранить неразделенную любовь к себе. В конце концов, люди поступают хуже.

Привезя долли домой, холостой ветеринар накормил зверька и, вместо того чтобы усыпить, разрешил улечься в ногах, пока смотрел телевизор. Потом они с долли поужинали, долли ластилась, она была благодарна ветеринару, и тот решил оставить зверька у себя.

Ночью долли устроилась в ногах ветеринара, и тому было как никогда уютно и спокойно.

Ветеринар не мог сказать, покидало ли животное свое ложе, но когда он был разбужен звонком полицейского, долли мирно посапывала у него в ногах.

Той ночью кто-то загрыз малыша, ребенка миссис Вайкаунт.

По следам зубов и когтей сомнений не оставалось – это могла сделать только долли. А когда ветеринар сознался в том, что не выполнил обещания и пожалел животное, сомнений ни у кого не осталось.

История, разумеется, попала в газеты и вызвала грандиозный шум, ибо она относится к разряду сенсаций, наиболее близких сердцу альбионца.

Разумеется, всплыли и другие случаи – правда, они были не столь очевидны и доказуемы, как первый. Но отношение к долли изменилось, что выразилось в изгнании некоторого числа животных из домов. Долли были вынуждены скрываться на пустошах и в перелесках и перейти к полудикому существованию.

Кстати, фирма «Мицубиси-энималз» категорически отказалась верить в агрессивность долли (или хонки), ибо генетически таковое качество в хонки не закладывалось. Фирма была готова компенсировать любой случай документированного нападения хонки на человека или другое животное, но документированно доказать это оказалось нелегко.

История миссис Вайкаунт докатилась до Великого Гусяря, где к тому времени проживало несколько десятков очаровательных лялек. Но надо сказать, что почти все эти животные достались владельцам недешево, а любовь к ним была беспредельна. Так что лишь пара лялек попала в лес, а остальные жили, как и прежде – зачем верить этим англичанам, которые спят и видят, как бы нагадить русскому человеку.

Как-то Минц вывел Удалова вечером погулять на набережную, а потом повлек в слободу за Грязнуху. Дело было весной, ближе к лету, вечер выдался теплым. Они гуляли, обсуждали разные проблемы, потом Минц спросил:

– Тебе ничего не кажется странным?

– Ничего.

– И тишина тебя не смущает?

– Какая тишина?

– Подумай. Обычно сейчас самое время заливаться соловьям. Соловьи – гордость гуслярского заречья. Положено котам кричать – у них еще не кончились брачные игры. Положено собакам брехать...

Удалов умен – он сразу сообразил, куда клонит друг.

– Какую связь ты видишь между этими явлениями, – спросил он, – и избытком наших любимцев – лялек? Неужели и собаки от них могут пострадать?

– Собаки... Не знаю. Пока, наверное, нет. Но собаки чувствуют неладное, прячутся в будках – зубы наружу. Не веришь, загляни через забор – ни одна собака не носится вдоль забора, пугая прохожих.

– А коты?

– Боюсь, что котов в городе почти не осталось.

– Как же так? Неужели люди этого не заметили?

– Когда ты получишь молодую прекрасную женщину, то, может быть, отнесешься к исчезновению жены с определенным облегчением, – произнес Минц. – По крайней мере, меньше будет уходить на питание.

– Но почему? Ведь японцы клянутся, что ляльки безобидны.

– Они безобидны, – ответил Минц, останавливаясь перед большой лужей посреди переулка Текстильщиков. За последние пятьдесят лет лужа обросла по берегам камышом, в котором таились лягушки. – Ляльки безобидны, но их функции – их вывели для этого – любить хозяина и пользоваться его ответной любовью. Это животные для любви и ради любви. Но ведь любовь – самое эгоистичное из чувств.

– Лев Христофорович, – отмахнулся Удалов, – ну при чем тут эти лисички? Это же не люди!

– Любовь – чувство вселенское, – торжественно ответил Минц. – И если крошки-ляльки любят своих хозяев, они не могут делить любовь с другими. И чем дальше, тем больше. Я даже допускаю, что японские творцы не подозревали, что чувства в ляльках будут усиливаться от поколения к поколению. Полгода назад, когда в Гусяре появилась первая лялька, она была робким нежным созданием. А сейчас в каждом третьем доме лялька правит бал, а на улицах и в садах оказались никому не нужные ляльки, которые, тем не менее, тянутся к человеческой любви и инстинктивно понимают, что не получают ее из-за конкурентов. Знаешь что, Корнелий, я боюсь, что стремление генетиков создать идеальную машинку любви приведет к созданию идеальной машинки смерти.

Удалов не удержался и засмеялся.

Отозвалась лягушка, которая сидела на краю лужи среди камышей. Она заквакала, словно давно молчала и вот нашла компанию.

И тут же нечто быстрое, светлое блеснуло в луче фонаря, плеснула вода – лягушка не успела прыгнуть в воду, как исчезла в ротике ляльки, которая тут же растворилась в камышах.

– Что? – удивился Удалов. – Что случилось?

– Ничего особенного, очередная сцена ревности. Лялька полюбила тебя, а ты стал смотреть на лягушку.

Удалов отмахнулся, не поверил старому другу. И они пошли домой в тишине весеннего вечера, когда даже коты молчат, а попискивают лишь противоугонные сигналы на мерседесах – но тут уж ляльки ни при чем.

Со всех концов света поступали тревожные сигналы.

Человечество разделилось на две части.

Первая часть – владельцы лялек, бескорыстно и нежно привязанные к ним и готовые ради них на любые жертвы, а также их ляльки, готовые на все, чтобы сохранить привязанность любимых хозяев. Вторая же половина человечества полагала, что от этой эпидемии любви исходит опасность для всего человечества.

Разумеется, существовали и переходные группы населения, и особенные слои. Например, число российских граждан, подписавших петиции за возвращение Японии Южно-Курильских островов, приближалось к двадцати процентам населения нашей державы.

Следующее тревожное сообщение пришло из Колумбии.

Наркобарон Эскобар Хуанито развел у себя на вилле шестьдесят хуаниточек, как именовали лялек в тех краях. Они ходили за ним стайкой, глядели в глаза и любили куда больше, чем его подчиненные. И вот однажды на виллу к Эскобару пожаловал прокурор Боготы, чтобы в спокойной обстановке вручить тому ордер на арест.

Произошел обмен репликами между прокурором и Эскобаром, после чего прокурор отправился к своей машине. Но дойти до нее он не успел.

Шестьдесят хуаниточек набросились на него, как стая ос, и в минуту обгрызли прокурора до белых косточек. К несчастью для хозяина виллы, полностью одоббившего действия своих крошек, сцену наблюдали шофер прокурора и охранник, которые заперлись в бронированной машине и смогли вырваться с территории виллы под пулеметным огнем.

Вечером виллу штурмовали вертолеты, всех хуаниточек захватили как вещественные доказательства, а сам наркобарон убежал.

К утру он, движимый благодарностью к любимицам, совершил налет на прокуратуру и скрылся в лесах вместе с хуаниточками.

Банда Эскобара, к которой постепенно примыкали все новые отряды головорезов и приблудных лялек, вскоре превратилась в армию, претендовавшую на то, чтобы установить в Колумбии свою власть.

В Гусяре некоторые верили в эту историю – например, Минц. А некоторые, как семейство Савичей, считали все происками ляльконенавистников. Так что, когда начали раздаваться в прессе голоса о том, что лялек надо ликвидировать, возмущению мирных владельцев этих крошек не было предела. Они готовы были лечь на рельсы.

Потребовались новые драматические события, чтобы общественное мнение мира начало склоняться к враждебной лялькам позиции.

В Болгарии стайка лялек, объединенная нежной любовью к воспитательнице детского сада в Пловдиве, уничтожила младшую группу, потому что дети шумели и не слушались воспитательницу.

На танковых учениях в Южной Корее три ляльки, принадлежавшие командиру полка, сожрали экипаж танка во время учений, ибо члены экипажа нелестно отозвались о душевных качествах полковника Ким Сен Ира.

Пробравшись на американский космический корабль «Атлантис», парочка долли – любимиц астронавтов – убила штурмана Блэки Брауна, который по рассеянности занял спальное место хозяина долли, первого лейтенанта Конолли.

Можно не повторять примеры – их тысячи, и с каждым днем они множились. Любовь этих милых созданий была убийственна, как любая идеальная любовь.

И тогда в начале сентября, когда уже не только подмосковные леса, но и джунгли Вьетнама кишели ляльками и их родственниками, не оставившими в лесах ни единого живого существа, ООН большинством голосов при шести воздержавшихся приняла решение о прекращении производства лялек, долли и хонки, а также истреблении тех, что еще живы.

О, какие драматические сцены разыгрывались, когда специальные международные команды проходили по домам, извлекая и увозя зверьков! Происходили и вооруженные схватки. Австралиец Бен Костелло держался против полиции шесть суток, и его пришлось разбомбить с вертолета.

Наконец безумно дорогая операция завершилась.

Удалов заглянул к Минцу и сказал с порога:

– Ну что, пошли в лес, будем слушать птиц?

– Ангел мой, – ответил Минц. – Откуда ты возьмешь птиц? Они вымерли, как динозавры.

– Разведем, – ответил Удалов.

Они пошли гулять. Всюду было тихо, а люди ходили потерянные, мрачные, обездоленные.

Гуляя, они дошли до огородных участков, что тянулись вдоль леса.

Там увидели Савича. Он как раз подходил к участку. В одной руке он нес лопату, в другой – дорожную сумку.

– Привет, Никита, – сказал Удалов. – Тоскуешь по своей ляльке?

– Ох, тоскую! – ответил Савич и прибавил шаг.

И вдруг Удалов увидел, как сумка в его руке шевельнулась.

– Никита! – закричал он вслед Савичу. – Ну что ты делаешь! Неужели ты не понимаешь, что нельзя оставлять в живых ни одной ляльки?

Никита злобно поднял лопату.

– Если донесете, – сказал этот мирный и робкий провизор, – убью на месте. Мне нужна любовь. Я получаю и дарю ее!

Минц с Удаловым не стали сражаться с Савичем, тем более что именно тогда Минц предположил, что по крайней мере половина лялек осталась у своих хозяев, которые их умело спрятали. А это значит... Ну, вы понимаете: или цивилизация, или любовь!

И тогда Минц уселся за изготовление средства против лялек.

Каким-то образом сильно поумневшие и живущие теперь все больше по лесам ляльки прознали про опасность, и дом № 16 трижды подвергался штурму, но, к счастью, устоял. Убили только последнего в городе упорного, могучего мрачного кота Василия, который на своем боевом счету имел штук двадцать лялек.

Наконец Минцу удалось создать средство от лялек.

Как всегда, ход мыслей ученого был необычным.

Он понимал, что травлей или иным способом истреблять лялек не только антигуманно, но и опасно. Исторических примеров тому в России достаточно. Вы только попробуйте раскритиковать политика, уличить его в мздоимстве и воровстве, а еще пуще – посадите в тюрьму за то, что он ограбил приют и убил нескольких бабушек. И вот тогда в сердцах людей поднимается сочувствие, жалость к этому мерзавцу и острое желание избрать его губернатором.

Как только вы напустите на лялек мор, любовь к ним утроится. А к чему это приведет – неизвестно. И не исключено, что через год-два какая-нибудь лялька станет у нас президентом.

Так что Минц придумал способ безболезненный, хоть и очень обидный для ляльководельцев.

Ему удалось создать аэрозоль, безопасно заполнивший околоземное пространство. Люди ничего не почувствовали, а ляльки почувствовали – отвращение к людям. Включая любимых хозяев.

Лялька просыпалась утром, смотрела, как встает, потягиваясь, хозяин и спешит на кухню подогревать молоко для возлюбленной ляльки.

Пока он суетится, лялька вдруг испытывает приступ нелюбви к хозяину, к его домочадцам и к людям вообще. Такой сильный приступ, что кидается в форточку и несется в густой лес, в пустыню, в горы, только бы не видеть опостылевшие людские морды.

Это была дудочка крысолова, но как бы наоборот. Ляльки шли не за крысоловом, а бежали от него и его друзей.

Это массовое бегство лялек сопровождалось трагедиями, потому что хозяева убежали в леса за своими любимцами, метались по чащобам, взбирались на лавины и кричали:

– Лялька, иди сюда! Лялечка, я тебе морковку принесла! Лялечка, Дашенька и Машенька тоскуют по тебе!

Но никакого ответа. Лишь шуршит сухая листва – ляльки убегают все глубже в чащу, только бы глаза их на людей не смотрели!

Так завершился первый акт драмы, чуть не погубившей человечество.

Но за ним, как оказалось, последовал второй акт, так как фирма «Мицубиси-эни-малз», закрытая постановлением японского правительства, сменила вывеску и выдумала новую каверзу.

И свидетельством тому – совсем недавняя история в нашем Великом Гусяре.

Коля Гаврилов, недавно разошедшийся с Римкой, сидел у себя дома и думал, то ли спать пойти, то ли про Меченого Бешеного почитать. И вдруг в дверь позвонили.

Коля доплелся до двери и увидел, что за дверью стоит девушка в темных очках, плотно закутанная в платок.

– Николай Гаврилов здесь проживает? – спросила она.

– Это буду я, – признался Гаврилов, которому понравился низкий с хрипотцой голос девушки.

– Холост? – спросила девушка.

– Разведен.

– Тянешься к настоящей любви? – спросила девушка.

– А то! – сказал Гаврилов.

– Тогда вам письмо от фирмы «Мицубиси-лаверс».

Письмо было написано на пишущей машинке, крупным русским шрифтом.

«Дорогой друг! – сообщалось в нем. – Мы узнали о вашей проблеме и решили помочь. Мы посылаем вам на пробу генетически выведенную идеальную любовницу и жену, добрейшее существо, вашу сексуальную мечту Галину Г. Познакомьтесь с ней, поговорите. Если понравится, оставляйте себе. А нам пришлите обратно подписанную вами бумагу о возвращении Японии Юж но-Курильских островов. Получение письма будем считать началом нашего доброго сотрудничества».

Пока Гаврилов, шевеля губами, читал письмо, гостя сняла черные очки, сбросила платок и скромно села на стульчик в углу комнаты, прикрыв ладонями колени.

Гаврилов кинул на нее взгляд, потом посмотрел внимательно, опустил перед ней на колени и попросил руки и сердца.

– Я готова быть тебе идеальной любовницей и женой, – сказала Галина на пристойном русском языке. – Но сначала подпиши письмо.

Говорят, что в Гусяре уже появилось около сорока идеальных женщин из Японии. Они всем хороши, но ходят слухи, что ревнивы.

Мечта заочника

Профессор Минц глядел в окно. За окном сыпал мелкий дождь, не подумаешь, что середина декабря.

Но не очевидные и отрицательные изменения климата тревожили в тот момент Льва Христофоровича, а перемены в общественном сознании.

Как раз напротив деловитый, как жук, бульдозер ровнял с землей руины чудесного особняка XVII века, занесенного в списки ЮНЕСКО.

В середине того века купец Дениска Перламутров, по происхождению из Любека, разбогатевший на торговле рухлядью, то есть мехами соболей и куниц, посылавший экспедиции открывать Аляску и Калифорнию, вознамерился построить себе резиденцию, чтобы можно было принимать столичных и заграничных гостей.

Для этой цели Дениска Перламутров послал в Париж своего пасынка Савелия и его гувернера китайца Ли Бо посмотреть, что нового творится в зодчестве, и принять меры, чтобы самое лучшее внедрить в Великом Гусяре.

Савелий и Ли Бо искренне полюбили недавно отстроенный Версаль, в котором жил французский король. Они прогулялись по паркам и вокруг фонтанов, потом узнали, где проживают создатели Версаля, и одного из них, немолодого Франсуа Леруа, сманили на временную работу авансом вдвое большим, чем тот получил за всю работу от Людовика, а второго мастера, молодого Франсуа д'Орбе, который боялся ехать в ледовые просторы Московии, связали и уложили в длинный ящик на мягкие подушки.

С победой они возвратились в Великий Гусяр.

Леруа с воодушевлением чертил планы и учил гусярских ребятишек тонкостям западной архитектуры, а д'Орбе, измученный путешествием, бастовал, не принимал никакой пищи, кроме черной икры, и ругался по-французски.

В 1666 году началось строительство дворца Дениски Перламутрова, но успели построить лишь небольшой флигель для хранения фарфора. Соседи и конкуренты донесли в Москву о безобразиях Перламутрова, из Москвы приехала комиссия, заковала Перламутрова в железа, вывезла в Пустозерск, где купца два года томили в грязной холодной яме. Потом его пасынок Савелий, что само по себе является материалом для историко-авантюрного романа, смог подменить отца китайцем Ли Бо, добровольно пожертвовавшим жизнью ради своих добрых русских господ, и вместе с отчимом ушел через Северный полюс в Америку. Там они возглавили сопротивление апачей американскому вторжению и оставили о себе добрую память среди индейцев.

Все это дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, но является историческим фоном. Во-первых, всегда полезно напомнить, какие чудачки жили в Великом Гусяре в прошлые века, во-вторых, следует протянуть ниточку из прошлого в наши дни.

В конце XVII века местный помещик откупил у казны флигель для фарфора и попытался перевезти чудо французской архитектуры к себе на Сухону. Архитектор д'Орбе, забытый в Гусяре после драматического исчезновения Перламутрова и обитавший на паперти церкви Параскевы Пятницы, при виде армии крепостных, которые уже разматывали канаты, чтобы вывести из города изящный флигель, кинулся им наперерез. Он проклинал крепостных по-французски, и эти проклятия вкупе с видом архитектора привели разрушителей к мысли о том, что перед ними страшное иноземное привидение.

Крепостные разбрелись по лесам и вскоре разделились на разбойничьи шайки. К одной из них примкнул архитектор д'Орбе.

Но помещик, имени которого история не сохранила, не мог расстаться с флигелем и поселился там с любимой цыганкой, которая играла на клавесине и собственноручно порола

дворню. Через несколько лет они довели флигель до безобразного состояния, и, может, он бы погиб, если бы не Петр Великий.

Его величество направлялся в Архангельск строить флот. По дороге он посетил Белозерск, Вологду, Тотьму и Великий Гусяр.

Предупрежденные о приезде государя и зная о его странной склонности к иноземным предметам, руководители города откупили у цыганских наследников безымянного помещика флигель и привели его в порядок.

Петр Первый, увидев в Великом Гусяре малый Версаль (а он знал толк в Версальях), пролил скупую мужскую слезу и решил, что город населен искренними сторонниками его реформ. Что было не так.

Петр на радостях дал Великому Гусяру права вольного города и разрешил ему вступить в Ганзейскую лигу. Отныне гусярские корабли могли торговать в Европе беспошлинно.

Флот в Гусяре был невелик, но все же гусярские лады плавали в Лиссабон и Гамбург, а одна из ладей даже открыла Австралию.

Но это тоже дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, хотя является историческим фоном.

Далее судьба версальского флигеля складывалась по-разному. Одно время его держали пустым как памятное место в надежде на то, что иной государь решит посетить Великий Гусяр. Государя не появлялись.

В XIX веке во флигеле располагалось епархиальное училище, а с упразднением епископства в Гусяре там пытались устроить городской музей, но отказались от затеи, потому что во флигеле бесчинствовал дух архитектора д'Орбе.

Потом в доме поселился архиерей, который смог постом и молитвами изгнать француза.

В феврале 1930 года городской совет Великого Гусяра постановил снести дом № 19 по Пушкинской улице с целью избавиться от напоминаний о кровавом угнетателе трудящихся Людовике XV, а также о Петре Первом. Но средств на снос не нашлось, хотя в Москву отпортовали о выполнении решения.

В Москве в каких-то реестрах было записано, что флигель разрушен.

Так прошло много лет.

Однако в конце сороковых годов, когда поднялась волна отечественного патриотизма, из Москвы прибыла экспедиция в поисках фундамента утраченного здания, которое уже было объявлено в газете «Правда» «нашим, русским Версалем», послужившим прототипом французскому дворцу. Ни больше ни меньше.

Экспедиция отыскала по плану место, где некогда стоял флигель, и начала сносить накопившиеся за сто лет ветхие деревянные строения, чтобы приступить к раскопкам.

И каково же было удивление археологов и искусствоведов, когда обнаружилось, что в груде строений скрывается вполне сохранившееся, если не считать колонн, здание русского Версаля.

Было немало статей в газетах, диссертаций и иностранных делегаций. Колонны восстановили, сделали их на две больше, чтобы показать преимущество советского образа жизни. Флигель объявили Домом приемов, но снова никто не приехал, и тогда его присвоил себе зампред Нытиков. Нытикова отправили на повышение в область, во флигеле остались его родичи, родичи вмешались в борьбу за власть, их посадили, и под влиянием момента флигель отдали под детский сад. Так прошло еще десять лет. Они привели к дальнейшему запустению. Каждый новый главгор клялся, что восстановит памятник французской архитектуры, но, когда приходил к власти, как-то становилось недосуг.

До наших дней флигель дожил в виде жалкой дворовой собаки благородного происхождения. А вокруг него располагалась помойка, с одного краю которой гуляли дети, с другого царили бомжи.

Теперь в Великом Гусяре наступило некоторое оживление. Приехал Кара-Мурзаев Николай Ахметович. Основал банк. Купил участок. Строит офис банка в тринадцать этажей с гранеными теремками из черного стекла.

И надо же так случиться, что этот самый версальский флигель попал под западный угол банковского небоскреба.

Общественность с запозданием засуетилась, две бабушки выходили с плакатами, учитель Авдюшкин устроил послеобеденную голодовку. Новый городской голова дал клятву корреспонденту «Гусярского знамени» Мише Стендалю версальский флигель сохранить для потомства, но потом имел беседу с Николаем Ахметовичем, президентом «Гусярнеустройбанка». После беседы настроение городского головы изменилось, и он стал сторонником прогресса. Хватит, сказал он старушкам и Стендалю, держаться, хвататься за прошлое. Дорогу свежему ветру с океана!

И вот теперь перед печальным взором Льва Христофоровича бульдозер сгребает в сторону остатки флигеля, который пережил и царский режим, и даже советские годы.

«Этот флигель, – размышлял профессор, – не только свидетель, но и участник русской жизни последних столетий. А что это означало для изысканного иммигранта? Он появляется на нашем балу, надушенный и напомаженный, вокруг слышны голоса восхищения, но и ропот недовольных. И стоит случайному покровителю сгинуть, как начинается эпоха пренебрежения и гонений. Версаль помнит все – шик и блеск королевского бала, шум революции и музейное благолепие. Жизнь флигеля была жизнью в страхе – вот-вот с тобой что-то сделают, сожгут, загубят, и лучше спрятаться среди хибар и быть такой же хибарой, как остальные. Чем ничтожнее, тем больше шансов выжить!

Ну что же это за страна такая! Как возможен в ней прогресс?»

...По улице прошел Гаврилов. Колю уже трудно было назвать молодым человеком, но он остался Колькой. И если не займет в жизни добротного места, то оставаться ему Колькой до алкогольной старости. Мать, что тащила его до тридцати лет, совсем состарилась, а Коля периодически брался за ум и начинал новую жизнь. Вот и сейчас, как слышал Минц от Удалова, он поступил в Заочный университет технико-гуманитарных перспектив имени Миклухо-Маклая. Хотел получить специальное финансовое образование и основать фирму. В Великом Гусяре немало фирм, в основном маленьких, торговых, даже есть свои рэкетеры, всё как у больших.

Коля, проходя мимо окон профессора, кинул равнодушный взгляд на строительство. Судьба соперника Версаля его не беспокоила. Он нес с почты большой пакет. Интересно, кто же вступил с этим оболтусом в переписку?

Коля пропал, и Минц возвратился к печальным мыслям.

«Раньше, – размышлял он, – наше общество было подобно пирамиде. Наверху находился царь или генсек – не важно, как его называть. А далее в строгой последовательности располагались жильцы государства различных категорий. Была эта пирамида мафиозной, однако жила по строгим правилам. Если ты живешь в слое секретарей райкомов, то не дай тебе дьявол воровать, как секретарь обкома! Да тебе голову снесут! А вот если некто обижал обитателя нижнего яруса, тот мог пойти в партком, а то и в райком. Неизвестно, получил бы он защиту и опору, но ответ из вышестоящей организации получил бы наверняка... Он был бесправен, боялся воров, но куда больше – властей... А теперь мы живем на поле, покрытом пирамидками – то ли кроты баловались, то ли собак там выгуливали. И каждая пирамидка живет по своим законам, никто никого не боится, потому что есть соседняя пирамидка, куда можно переметнуться. Всем, но не нижнему слою, который вынужден ждать и терпеть».

Минц подумал, не заморозить ли ему строительство – в буквальном смысле этого слова. Опустить температуру в котловане до минус сорока градусов. Но возраст не позволяет заниматься такими рискованными экспериментами. Еще заморозишь кого-нибудь живьем! Или получится наводнение... Пора покупать компьютер! Лучший в мире компьютер – мозг Льва

Христофоровича – стал сбивать. Уже не может решать одновременно больше шести-семи проблем.

Минц незаметно для себя задремал. Пожилой организм требовал отдыха.

И тут в дверь постучали.

Минц не откликнулся, он продолжал спать.

Дверь раскрылась. Коля Гаврилов, который, как и все в доме, знал, что профессор никогда не запирает двери, вошел в кабинет, зажег верхний свет и стал смотреть на профессора. Он думал, что сдал старик за последние годы – и венчик волос вокруг лысины стал совсем белым, живот не таким упругим.

– У тебя трудности с математикой? – спросил профессор.

– Я думал, что вы спите, – сказал Гаврилов.

– Спать – самое непроизводительное занятие. Мхи не спят никогда. А человек – мыслящий мох, лишайник, плесень...

– Лев Христофорович, можно совет получить?

– Это не первый совет, – сказал Минц. – И ты не будешь ему следовать.

– А вдруг последую?

Минца развеселила такая возможность.

– Ну, выкладывай, – сказал он.

– Я тут учиться начал, – сказал Коля.

Он присел на стул и сгорбился, показывая свою печаль.

– Весь дом знает, что ты в очередной раз чего-то начал, – согласился Минц.

– Но на этот раз я всерьез начал, – признался Гаврилов. – Я два задания выполнил, но ведь надо и деньги зарабатывать.

Гаврилов зарабатывал деньги спасателем на реке Гусь. Он подменял в зимние месяцы по очереди всех остальных четверых спасателей, которые уходили в отпуск. А весной он сам уходил в отпуск до ноября. Вот и сейчас, под Новый год, ему приходилось сидеть на вышке с биноклем, кутаясь в служебную доху.

– А что же случилось с третьим заданием? – спросил профессор.

– Не могу понять, – сказал Коля. – Все просмотрел, а не понимаю. Ведь считается, что я его написал, а я человек, как понимаете, гордый.

– То есть написал и не понимаешь?

– Вот именно.

– Значит, ты гений, – сказал Минц. – Так только с гениями бывает. Вот, рассказывают, Эйнштейн написал свою бессмертную формулу и два дня думал: «Что же я это накалякал?»

– Вот именно, – сказал Гаврилов. – У меня то же самое.

– Показывай, Эйнштейн.

– Сначала я должен признаться, – сказал Гаврилов и извлек из кармана мятую газетную вырезку. – Должен признаться, что воспользовался. Ведь я спасателем работаю, времени в обрез.

Минц прочел объявление, вырезанное из газеты:

«Международный университет экономики и искусства сообщает:

Проанализировав выполненные курсовые и дипломные работы, предлагаем заочникам, которым не хватает времени или профессионального уровня для грамотного выполнения курсовых и дипломных работ и у которых есть финансовая возможность оплатить выполнение данных услуг:

1. За курсовую работу по учебному плану или по теме, выданной институтом (объем 30 машинописных страниц), – 50 условных единиц США.

2. За дипломную работу в двух экземплярах (объем 60–80 машинописных страниц) – 110 условных единиц.

При этом посещать институт не требуется»¹.

– Такого я еще не видел, – сказал Минц. – Вы только подумайте! За сто баксов – полное высшее образование! Не ужели ты не соблазнился?

– Я сначала на курсовые соблазнился. По полсотни за раз.

– И как, удалось?

– Засчитали. Я тогда решил – чего тянуть? Закончу университет за год! Как Ленин.

– А Ленин им тоже по полсотни платил? – ахнул Минц.

– Они в проспекте намекали, что он тоже. Только я сомневаюсь. Он, говорят, давно умер.

– Молодец! А в чем теперь у тебя проблема?

– Мне они следующую курсовую прислали. По математике. Завтра сдавать пойду, а вдруг чего спросят по ней? А я – не секу, кем мне быть – не секу! Я и в школе уравнений не выносил.

– А я при чем?

– Посмотрите, дядя Лева, а вдруг чепуха?

– А долларами со стариком поделишься? – пошутил Минц.

К сожалению, Гаврилов принял его слова всерьез.

– Много не отстегну, дядя Лева. Не больше десятки. Большие расходы, понимаешь.

– Десятка – тоже деньги, – не обиделся Минц. – Истрать их на мороженое, бездельник.

Где твоя писулька?

Гаврилов, стесняясь (потому что так и не понял, будет брать профессор с него десятку или пожалеет), протянул папку, на которой было типографским способом напечатано: «ДЕЛЮ №...».

Минц вздохнул и взялся за чтение, заранее содрогаясь от того бреда, который ему придется прочесть.

Но когда он пробежал глазами первый абзац, то подумал о другом: видно, аферисты в Международном университете экономики и искусства пошли по наипростейшему пути. Они брали уже опубликованные работы и перепечатывали их на машинке, в расчете на то, что экзаменаторы в соседнем с ними университете читать ничего не будут.

«Но я их сейчас ухайдакаю, – с тайной радостью подумал профессор. – Они же не думали, что эти копии попадутся на глаза человеку с феноменальной памятью».

Минц прочел в своей жизни несколько тысяч чужих статей и монографий, и все они лежали в его мозгу, словно выжженные на фанерке.

Профессор принялся читать.

И чем дальше он читал, тем большая растерянность охватывала его.

Да, общая тема статьи была ему чем-то знакома, но не более того. И уравнение, которое пытался решить автор, то есть заочник Гаврилов, гнездились на периферии памяти. Что такое... $xn + yn = zn$ при $n > 2$? Почему сердце Минца глохнет совершенство этого уравнения? Где, чёрт побери, он его встречал?

– Где же я, чёрт побери, его встречал? – спросил Минц у Гаврилова, уткнув палец в уравнение.

– А где? – спросил Гаврилов.

– Вот именно, – сказал Минц.

И догадался.

Все оказалось просто.

Речь шла всего-навсего о теореме Ферма.

¹ Это объявление не плод моего воображения. Оно было опубликовано в «Агрономе Поволжья». – *Примеч. автора.*

Триста пятьдесят лет назад французский математик по фамилии Ферма сообщил миру, что это уравнение не имеет целых положительных решений для $n > 2$. «Ну и что?» – ответили ему современники. Равнодушие современников настолько травмировало математика, что он забыл сообщить, как же он дошел до такой мысли и как можно доказать такую простую и забавную теорему.

Гаврилов даже в носу ковырять перестал, так его испугали перемены в облике профессора. Тот покраснел, лысина запотела и заблестела, на носу тоже выступили капельки пота, губы беззвучно шевелились, а глаза остекленели.

– Что с вами, дядя Лева? – спросил Гаврилов. – Трудная математика? Не по зубам?

Минц словно не услышал вопроса. Он сурово сдвинул брови и задал вопрос:

– Ты чего натворил?

– А чё? – оробел Гаврилов.

– Если все это ты сам написал, то лучше сразу сознаться.

– Кем мне быть – не я! Я только баксы отстегнул. Говорю же, что не понимаю этих уравнений! В чем дело, дядя Лева?

– А в том дело, – торжественно произнес Лев Христофорович, – что человечество может вздохнуть с облегчением. Теорема Ферма доказана!

– Ну и слава богу, – откликнулся Гаврилов. – Я рад за человечество. Давайте папочку, я пошел.

– Никуда ты не пошел. И ничего ты не понял. Ты обязан сообщить мне имя и адрес автора этой работы.

– Откуда мне знать?

– Напрягись!

– А мне это без разницы.

– Ты знаешь, сколько стоит эта курсовая?

– Думаю, что и пятидесяти баксов не стоит.

– Она стоит... – Минц вскочил с кресла, подбежал к книжным стеллажам, вытащил с полки какой-то пузатый справочник на иностранном языке и принялся его листать.

Гаврилов замер. Сейчас что-то случится.

Минц отыскал нужную страницу и перевел на русский:

– Доказательство теоремы Ферма ныне оценивается с превышением суммы в двести тысяч долларов США. Эту сумму готовы заплатить Американская академия наук, Британское королевское общество, фонд Сороса, а также муниципалитет города Лион во Франции, который также обещает предоставить победителю звание почетного гражданина Лиона.

– Почетного гражданина? – понял Гаврилов. Прочие награды по причине грандиозности не отпечатались в его сознании.

– Не тебе, – сказал Минц. – Не тебе, бездельник.

– А мне? Мне же причитается!

– Молчать! – рявкнул Минц. – Дай-ка мне адрес Международного университета!

Случилось чудо. Теорема, которая не давалась величайшим математикам мира, покорила безвестному сотруднику сомнительного университета.

Не задавая больше вопросов, но тяжело дыша и даже покашливая, Гаврилов пошел с Минцем к себе и отдал ему конверт от реферата. С этим пакетом Минц и отправился в университет, который, оказывается, располагался в доме купца Пиренева, как раз перед речным техникумом.

Университет занимал не все двухэтажное здание, а только две комнаты в подвале, вход со двора. Дверь разбухла от зимней влаги, звонка на ней не было.

С большим трудом Минц отворил дверь. Она визжала, будто ее убивали.

В первой комнате никого не было. Во второй оказалась молодая женщина с наглым советским торговым лицом. Она сидела за ученическим письменным столом и распечатывала письма.

Минц простоял с минуту в дверях, девица его не заметила. Она вынимала из конвертов письма. Если обнаруживала в конверте купюру, то клала письмо направо, а если денег не было, то кидала в помойную корзину.

– Здравствуйте, – сказал Минц. – Можно ли увидеть вашего ректора?

– Нет у нас лекторов, – ответила девушка, – у нас обучение заочное. – Она накрыла стопку денег широкой ладонью и сдвинула их по столу к себе так, чтобы можно было свалить стопку на колени. – А вам чего? Если поступать, то по пятницам, а можно по переписке.

– Я именно по переписке, – сказал Лев Христофорович.

– Если претензии, то деньги не возвращаются.

Лев Христофорович подпал под влияние этой наглой девицы и говорил с ней так же отрывисто и быстро, как она сама.

– Деньги не нужны, – сказал Минц.

– Что нужно?

– Адрес.

– Адресов не даем.

– Конкурентов боитесь?

– Не говорите! У нас в Гусяре из трех университетов наш самый клевый.

– Мне надо поговорить с вашим человеком, – сказал Минц. – С тем, кто заочно курсовые пишет по пятьдесят долларов.

– Ну вот, блин! Придется гнать его в три шеи! – рассердилась девица, хотя Минц ни сном ни духом не собирался подводить автора курсовых.

– Вы кого имеете в виду? – осторожно спросил Минц.

– Кого-кого? Кого и вы! Бруно Васильевича, чёрта старого! Я ему сколько раз говорила – не умничай! Не выкобенивайся, не будь других умнее! У нас в писателях достойные люди работают. Один кандидат ветеринарных наук, кем мне быть! У всех высшее образование, понимаешь? Третья жалоба за неделю! Нет, я Боре прямо скажу – гнать его, или потеряем клиентуру!

– А может, я другого имею в виду?

– Нет, – твердо сказала девица. – Дайте мне фамилию заочника, и вы увидите, что я права. Гнать его будем.

– Заочника?

– Бруно паршивого.

– Гаврилов, – сказал профессор. – Николай Гаврилов. Первый курс.

– А у нас до второго еще никто не дотянул, – зловеще произнесла девица, словно призналась, что второкурсников приносили в жертву кровавым богам науки.

Толстые, украшенные вишневыми ногтями пальцы шустро пробежались по картотеке на углу стола.

– Гаврилов, – сказала она, – послано две курсовых. За одну еще не плочено. Вы деньги принесли?

Девица вдруг резко обернулась к дверям. Видно, у нее было развито чутье – ждала удара в спину?

– А вот и он, – сказала она почти радостно. – Явился не запылится. Тебя уже с милицией ищут. Шут гороховый!

В подвале было не очень светло, вошедший не сразу разглядел Минца, да и Минц его разглядеть не успел.

– С милицией? – прошептал голос от двери, и тут же послышались легкие неверные шаги, спешившие прочь.

– Сбежал, блин, – сообщила девица. – Даже денег просить не стал. Напугали мы его с вами!

Она дробно рассмеялась, а Минц кинулся вверх по лестнице.

Конечно, консультант Бруно Васильевич далеко не ушел. Был он немолод, куда старше Минца, худ и плохо одет. На ногах у него были валенки с калошами, совсем уж редкая в наши дни обувь. А выше – черное узкое пальто и лыжная шапочка, вроде бы голубая.

– Стойте, – сказал Минц.

Бруно Васильевич припустил прочь.

Пришлось, скользя и чуть не падая, бежать за ним по переулку.

Старик оказался шустрее, чем думалось, но все же возраст взял свое. Минц, уже разозленный от прыти беглеца и оттого, что ему не желают подчиниться, разогнался, прижал старика к высокому забору и сердито заговорил:

– Не бегите, я вам вреда не причиню. Только ответьте на один вопрос.

Старик дышал часто и быстро.

Он был невелик ростом, расплющенный нос и выпяченные губы выдавали негритянскую кровь – впрочем, каких только кровей не найдешь у наших соотечественников. Может, потому русский расист всегда не уверен в себе, требует паспорт у идеологического противника, но избегает показывать свой. Ох, не блюли себя наши предки!

– Только один вопрос, – сказал Минц. – Вам говорит что-нибудь имя Ферма, Фер-ма, ударение на последнем слоге?

– Французский математик семнадцатого века, – ответил старик.

Он замолчал и поднял лицо к серому безнадежному небу, из которого вываливались снежинки и, подлетая к земле, превращались в холодные капельки дождя.

– Правильно, – сказал Минц. – И он, в частности, известен теоремой, названной в его честь... Где бы мы могли поговорить?

– Не о чем нам разговаривать, Лев Христофорович, – сказал старик.

Минц не удивился. Преимущество, как и недостаток, жизни в небольшом городке заключается в том, что тебя знают. И ты обязан всех знать.

– Можем пройти ко мне, – сказал Минц. – На Пушкинскую. Угощу вас чаем с морошкой. Прислали из Норвегии. Мой аспирант всегда присылает бочонок к годовщине смерти Пушкина.

– Нет, – отказался старик. – Мне не о чем с вами говорить. Я устал.

– Мне ничего от вас не надо, – сказал Минц. – Я хотел бы лишь засвидетельствовать вам мое расположение.

– Ах, не надо шуток! – отрезал Бруно Васильевич. – Немало людей в моей жизни обещали расположение и даже деньги. Однако заканчивалось это очередным разочарованием. Вы хотите использовать меня? Не удастся. Я бесполезен.

– А это? – спросил Минц, поднося к носу Бруно Васильевича курсовую работу Гаврилова.

– Это – свидетельство моего бессилия, – уверенно ответил Бруно Васильевич.

– Если вы не хотите идти ко мне, – сказал Минц, – я вас провожу.

– Ах, зачем вам это? – почти плакал старик. – Побалуетесь, посмеетесь над стариком, а мне потом еще хуже станет! Зачем вам, профессору, к которому академики приезжают, из Норвегии морошку присылают, ну зачем такому человеку марать руки о мое ничтожество?

– Хватит! – прикрикнул Минц, который мог быть решительным и жестким, если к этому склоняли жизненные обстоятельства. – Вы не идете ко мне, тогда мы идем к вам.

– Ко мне нельзя, – сказал Бруно Васильевич, – у меня соседка злая.

– Я тоже злой, – сказал Минц.

Бруно Васильевич совсем оробел и более не возражал. Он молчал до самого дома. Минц тоже молчал. Ему было неловко за то, что напал на беззащитного человека.

Они остановились перед черным от времени двухэтажным бревенчатым баракком. Когда-то в Великом Гусяре построили целый район этих домов – десятка три. Решили развивать лесную промышленность за счет ссыльных. Было то в начале тридцатых годов. Район называли Бревнами.

С тех пор многое изменилось. И народ уехал, и бараки снесли почти все.

– Вы с тех пор здесь живете? – догадался Минц.

– Нет, – ответил Бруно Васильевич, – мы не местные.

В сенях было совсем темно, Бруно Васильевич шуршал, водил пальцами по стенке, отыскивая ручку своей двери.

– Я не запираю, – сказал он.

В его комнате было полутемно, окно завешено шторой. Из разных темных углов к ним двинулись кошки, они не мяукали, а только сверкали глазами.

– Они тоже знают, какое к ним отношение моей соседки Марии Семеновны, – прошептал Бруно Васильевич. – Она уже неоднократно обещала вызвать милицию.

Кошки пропустили людей внутрь комнаты. Они стояли вокруг, подняв мордочки и ударяя по полу хвостами; их было больше полудюжины.

– Вы чувствуете, какие они голодные? – спросил Бруно Васильевич.

– Да, – сказал Минц.

Кошки смотрели на него, как дети в приюте, которые понимают, что плакать – безумие. Побьют и не накормят.

– Я сейчас, – сказал Минц.

Он хотел побежать на угол, там был продуктовый магазин. Но бежать не пришлось, потому что из-под лестницы вышла наглого вида бабка в норковой шубе. Она несла большую коробку, на которой была изображена кошка и написано «Вискас».

– Деньги принес? – спросила она.

– Познакомьтесь, – сказал Бруно Васильевич. – Мария Семеновна. Наша соседка и спасительница. Однако, к сожалению, я должен вас, Мария Семеновна, разочаровать. Не дали мне денег в университете. Не дали, просили завтра зайти.

– Сколько стоит? – спросил Минц.

– Плюс пятнадцать процентов, – сказала Мария Семеновна. – Но и меня понять можно – пенсия у меня не человеческая, а кошачья. А желудок, простите, человеческий.

Минц купил коробку с кошачьим кормом, Мария Семеновна ушла, пересчитывая деньги, Бруно Васильевич и кошки смотрели на Минца не отрываясь. Минц почувствовал, что и Бруно Васильевич готов отвесть кошачьего корма.

Комната была бедной, захлавленной, заставленной рассыпающимися вещами, как будто ее специально сделали такой, чтобы кошкам было удобнее играть в прятки.

Бруно Васильевич поставил коробку на пол, а кошки начали остервенело рвать картон.

Комната была надвое разделена занавеской. Из-за нее донесся глухой, задыхающийся голос:

– Ты получил гонорар?

И непонятно было, мужской это или женский голос.

Бруно Васильевич обернулся к профессору, приложил палец к губам, а затем сказал:

– Гонорар за лекции обещают заплатить к концу недели. Сегодня в кассе денег не было.

– Ты всегда так! Лентяй! – сердились за занавеской. – Пошел бы раньше, тебе бы досталось.

Кошки шуршали оберткой «Вискаса». Шарик рассыпался по полу, кошки подхватывали их и хрумкали.

– Садитесь. – Бруно Васильевич показал на стул, сам сел на продавленный диван.

– Я готов вам одолжить, – сказал Лев Христофорович. – Сколько вам нужно?

Бруно Васильевич не успел ответить, как из-за занавески послышалось:

– Кто там у тебя? Почему незнакомый голос?

– Это мой коллега, мама, – сказал Бруно Васильевич. – Профессор Минц.

– Не имею чести, – сказала мама Бруно Васильевича.

Резким движением она откинула занавеску и выехала к гостю.

Мать Бруно Васильевича, немолодая черноволосая губастая женщина, находилась в инвалидной коляске. Одета она была в черное расшитое стеклярусом платье. Колени мамы были покрыты пледом, давно превратившимся в невнятную тряпку. Руки, лежавшие на тряпке, были усыпаны перстнями. Кошки перестали есть и уселись в ряд, демонстрируя уважение к хозяйке.

– Вот так и живем, – сказал Бруно Васильевич.

– Я рад с вами встретиться, – сказал Минц матери консультанта. – К сожалению, я не был знаком с вами раньше.

Мама прикрыла яркие карие глаза.

– Вы состоятельный человек? – спросила она.

– Относительно.

– Распространяется ли ваше благосостояние на бутылку шампанского?

– Разумеется, – сказал Минц.

– Тогда докажите это, – сказала мама.

Минц достал бумажник, открыл его, вытащил купюру с видом концлагеря в Соловках.

– Мама, мне стыдно за вас, – сказал Бруно Васильевич.

Минц подумал, что старик сохранился хуже, чем его мама.

Впрочем, с женщинами восточного типа это случается. Они как бы консервируются.

Мама нажала на кнопку в ручке инвалидного кресла.

Тут же в дверях, словно поджидала сигнала, появилась Мария Семеновна. Она держала поднос с четырьмя бокалами и открытой бутылкой шампанского «Новый свет».

– Отечественное, – сказала она и поставила поднос на овальный столик, для чего пришлось сбросить на пол несколько книг.

Кошки зашипели.

Мама первой подъехала к столу. Остальные тоже взяли бокалы.

– Брют, – сказала мама. – Спасибо тебе, Мария Семеновна. Хоть ты и сволочь, но иногда в тебе что-то просыпается.

– Это от жадности, – призналась Мария Семеновна.

Она вытащила из пальцев Минца купюру и сказала:

– Сдачи не жди, Христофорович.

– Мы знакомы? – спросил профессор.

– Ты соблазнил меня, когда учился на втором курсе, – сказала Мария Семеновна и, звонко расхохотавшись, убежала из комнаты.

Только тут Минц сообразил, что не удосужился рассмотреть соседку.

Мама пила медленно, глоточками. Бруно высосал шампанское, не отрывая губ от бокала.

– Что вас к нам привело? – спросила мама.

– Счастливый случай, – ответил Минц. Шампанское приятно ударило в голову, чего не могло случиться от обычного вина.

– Профессор увидел у одного из заочников статью, то есть курсовую о теореме Ферма, – пояснил Бруно Васильевич.

– Господи, – сказала мама, – это позавчерашний день!

– Мама, вам вредно так много пить, – сказал Бруно.

Мама протянула руку с пустым бокалом. Рука не дрожала.

Бруно отрицательно покачал головой. Минц подумал, что тезка консультанта так же качал головой на требования инквизиторов отказаться от идеи множественности миров.

Мама повернулась к профессору и протянула бокал в его направлении.

Минц взял со стола бутылку и налил маме шампанского. Бруно Васильевич был недоволен.

– Спасибо, – сказала мама, – но, надеюсь, вы не выдадите нас? Вы производите впечатление порядочного молодого человека.

Минц вопросительно взглянул на Бруно Васильевича.

– Мама, – попросил тот, – допейте до конца и идите отдыхать.

– Ах, – произнесла мама, – покой нам только снится! Если бы я не работала, то давно бы состарилась.

Держа бокал, как флажок на прогулке, мама уехала за занавеску. Бруно Васильевич закрыл дверь в коридор. Коты хрустели шариками корма.

– Моя беда в том, – сказал Бруно Васильевич вполголоса, – что мама здесь не прописана. Эта история берет начало в том трагическом периоде нашей истории, когда я был выслан сюда как сын врага народа. Папа был расстрелян как враг народа, а мама сидела в лагере как жена врага народа. Я не мог получить образования...

Неожиданно Бруно Васильевич всхлипнул и вытер рукавом щеку.

– Я помню, как принес своему мастеру изобретение. Тот его одобрил. И велел забыть. «Как только попадешь на вид, ссылкой не отделаешься».

– Кстати, – послышалось из-за занавески, – я испытала этот страх еще до революции. Я пришла на кафедру химии к господину Столетову. Ему нечего было сказать по сути дела, но он и не стал читать. «Что может принести немывтая цыганка? Где швейцар? Кто пустил ее в стены?»

– Мамочка, сколько раз вам говорить! Это был не Столетов, а академик Бах. Столетов никогда бы себе не позволил таких слов.

– Может быть, память играет со мной жестокие шутки. Но Василий Генрихович, бывший анархист, – на какие уловки он ни шел, чтобы скрыть свои способности! Но ведь не удалось!

– Василий Генрихович – мой папа, – сказал Бруно. – Папа командовал дивизией у командарма Егорова. Он делал вид, что почти неграмотный. Но ведь проговорился...

– А что Васе оставалось делать? Дивизия попала в холеру. Пришлось придумать сыворотку для лечения. Когда все выздоровели, шестьсот больных, не считая гражданских лиц, то конечно же об этом сообщили Троцкому. А Троцкий вызвал Василия в Москву. К счастью, не расстреляли, а дали лабораторию.

– А судьба сыворотки от холеры? – спросил Минц. – Ведь таковой и сегодня не существует.

– Лабораторию Васи чекисты расстреляли из пушек, – послышался голос из-за занавески. – Это совпало с репрессиями против анархистов в армии.

Минц осторожно спросил:

– А кто из вас... Я имею в виду вас или вашего батюшку... Кто из вас интересовался математикой?

– Вы всё о теореме Ферма? – спросила мама из-за занавески.

– В частности.

– Я вам многим обязана, профессор, – сказала мама, – я давно не могла позволить себе даже рюмку этого зелья... Понимаете, мы с Бруно столько лет боялись, столько лет таились, что начали записывать некоторые результаты своих размышлений лишь недавно, с начала девяностых годов. Кое-что осталось от папы...

– Я не получил настоящего образования, – сказал Бруно. – Приходилось самому проходить университеты.

– А ваш отец?

Дверь из коридора открылась, сунулась рожа Марии Семеновны, женщины пожилой и толстолицей.

– Я вам сама скажу, они от страха врать будут, – заявила она. – Василий Генрихович – чистой души человек. Он всегда здесь жил, еще с тех времен...

Бруно Васильевич кинулся к двери и захлопнул ее, чуть не прищемив нос соседке. И уже сквозь дверь закричал:

– И не смейте вмешиваться в нашу жизнь!

– А сколько можно трепетать? – слышалось из-за двери. – Времена у нас другие пошли!

Из-за занавески послышался стрекот пишущей машинки.

Это настолько удивило Льва Христофоровича, что он сделал шаг и заглянул за занавеску. Он увидел, что мама поставила на колени старинную портативную машинку и строчит на ней.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Бруно. – Это у нее рефлекс. Это у нее от волнения и от шампанского.

– А нельзя ли мне ознакомиться...

– Ничего интересного вы не найдете, – сказал Бруно Васильевич. – Не надо копаться в прошлом.

Мама оторвалась от машинки.

– Я вечно воюю с мальчиком, – сказала она. – Но он у нас кормилец. Куда мне без него? Возьмут в приют, машинку отнимут. Вот я и помру.

– Времена изменились. – Минц повторил слова соседки. – Чего вы боитесь? При удачном стечении обстоятельств доказательство теоремы Ферма принесет вам сотни тысяч долларов.

– Вы думаете, что мы – выжившие из ума анахореты! – закричала мама. – Мы не хуже вас знаем, что времена изменились. Мы уже семь лет как посылаем наши статьи и заметки в серьезные журналы. Нам даже не отвечают.

– Но почему?

– Что бы вы сделали на месте редактора журнала «Природа», если бы получили статью о практических проблемах бессмертия с обратным адресом «Великий Гусляр, улица Криво-бокая»? Не пожимайте плечами, у них там тоже есть мусорная корзина. Так что для нас нет разницы между террором и демократией...

– Вы преувеличиваете! – возмутился Минц. – Я сегодня же напишу письмо главному редактору журнала «Природа», кажется, там Александр Федорович. Чудесный человек, большой ученый...

– И подпишетесь: «профессор»?

– Разумеется.

– У вас мафия похлеще уголовной, – вздохнул Бруно.

Из-за занавески донесся мамин голос:

– Сынуля, напомни постоянную Планка. Совсем склероз заел.

– Мама, не позорь наше семейство! – воскликнул Бруно Васильевич. – Энергия равна аш эф, где эф – частота осциллятора...

– Аш и будет постоянной Планка. – Минц поддержал Бруно Васильевича.

– Спасибо, мальчики, – откликнулась мама.

На этажерке громоздилась кипа машинописных листов.

– Это все ваши... опусы?

– Никому ни слова! – прошептал Бруно. – У нас отнимут комнату. Мы живем как пенсионеры-инвалиды...

– А меня отдадут в богадельню, – сказала из-за занавески мама. – У меня паспорт просрочен.

– У меня тоже, – сказал сын.

– Отдадут, каждый день жду, когда участковый придет и освободит помещение. – Мария Семеновна вошла с подносом, на котором стояла вторая бутылка шампанского. – Я уж на них всюду написала. Только теперь все так распустились, что на сигналы не реагируют.

– Маме нельзя больше пить, – сказал Бруно. – Вы же знаете, что в ее возрасте...

– Ах, оставь, живем лишь дважды, – ответила мама, выезжая из-за занавески. – Разливайте, профессор.

– Как же это началось? – спросил Минц, отхлебывая из бокала. – Я имею в виду эти курсовые?

– Это я посоветовала, – сказала Мария Семеновна. – Негде повернуться от бумаги.

– Мы получаем в университете списки адресов, – сказал Бруно. – Раскладываем по конвертам никому не нужные статьи. И рассылаем.

– Значит, Гаврилов не исключение?

– Он один из сотни. Каждая статья приносит нам не меньше двадцати рублей чистого дохода.

– Нужда, – вздохнула мама. – Она чему хочешь научит.

– И вы не боялись разоблачения?

– Ну кто будет читать курсовые заочников, если они напечатаны без правки через два интервала? – спросил Бруно.

– Я замечательная машинистка, – похвалилась мама. – Я даже пыталась зарабатывать так деньги. Но случилась беда: с середины второй страницы я начинала печатать собственный текст. Меня выгнали.

Бруно поставил на стол пустой бокал и обернулся к Минцу:

– Ваше появление – тревожный сигнал. Это должно было случиться. Рано или поздно.

– Мое появление – замечательный сигнал! – возразил Минц. – Ваш талант вернется к людям.

– Не только людям плевать на наш талант, – отозвалась мама, – но и мы сами в нем разочаровались.

Но Минц был настойчив.

– Я вам гарантирую славу и благополучие! У вас остались вторые экземпляры так называемых курсовых?

– Мы никогда не тратим лишнюю бумагу, – сказал Бруно. – Надо экономить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.